

Игорь Ягупов

Валькина жизнь

Игорь Ягупов

Валькина жизнь

«Издательские решения»

Ягупов И.

Валькина жизнь / И. Ягупов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908576-4

Молодой техник-строитель Валентина приезжает из Украины в Заполярье. Она мечтает строить новые города и найти свое счастье. Но все ли сложится в ее жизни так, как она хотела? Роман охватывает период жизни героини с середины шестидесятых годов до наших дней. Рассчитан на широкий круг читателей.

ISBN 978-5-44-908576-4

© Ягупов И.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	25
Глава 8	28
Глава 9	31
Глава 10	33
Глава 11	35
Глава 12	37
Глава 13	40
Глава 14	41
Глава 15	42
Глава 16	45
Глава 17	47
Глава 18	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Валькина жизнь

Игорь Ягулов

Фотограф Newman Cristian

© Игорь Ягулов, 2018

© Newman Cristian, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4490-8576-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

– Душно как! – Валя встает из-за кухонного стола, с грохотом отодвигая от себя пустую чашку. – Невозможно просто!

– Так после горячего чая как не будет душно? – вздыхает тетя Поля. – Лето в этот год вон как жарит.

– А когда оно не жарило? – фыркает Валя. – В Жданове живем, не в Мурманске. Я выйду на улицу подышать.

– Темно уже, не ходи. На балконе подыши, – предлагает тетя Поля, собирая со стола посуду и складывая ее в раковину.

– Да ну, на балконе, – морщится Валя. – Чего я там буду стоять? Кто меня на улице украдет?

– А кто его знает, – усмехается тетя Поля, разжигая газовую колонку, чтобы помыть посуду после нехитрого ужина. – Когда украдут, поздно будет выяснять.

– Ну вот, – отдуваясь, говорит Валя, глядя, как в колонке трепещет синий газовый огонек, – теперь здесь вообще спариться можно. Я возле подъезда посижу, на лавочке, не пойдут далеко. Свежим воздухом подышу.

– Валюша, поздно уже. Я беспокоиться буду, – пытается возразить тетя Поля.

– Чего беспокоиться? – отмахивается Валя. – Немцы точно не придут. Шестьдесят пятый год, слава богу. Не сорок первый.

– Не шути так! – пугается тетя Поля. – Война – дело страшное...

– Знаю, знаю, – перебивает Валя. – Я помню.

– Что ты помнишь? – качает головой тетя Поля. – Тебе тогда два года было.

– И что с того? – хмыкает Валя. – Я из школы знаю. Нам на уроках рассказывали и на классных часах. И в техникуме мы историю партии проходили.

– Вот именно, что проходили, – снова качает головой тетя Поля. – А я ее пережила!

– Кого? – хихикает Валя. – Историю партии?

– Типун тебе на язык с твоей партией! – ворчит тетя Поля. – Войну. Сестричку свою родную схоронила – мамку твою. А отца твоего и хоронить не довелось: загинул бедный неизвестно где на фронте.

– Я помню, – кивает Валя. – В смысле, знаю. Да только к чему мы вообще про эту войну? Я же не воевать ухожу, а на лавочке возле подъезда посидеть. Там фонарь горит, на подъезде. Не украдут. Все, побежала. Я ненадолго.

Не слушая больше возражений тетушки, Валя выскальзывает из кухни в коридор, на ощупь сменяет домашние тапки на уличные шлепанцы и, взяв с трюмо ключи, выбегает в полутемный подъезд.

Выйдя на улицу, она обнаруживает, что лавочки возле подъезда не пустуют. На одной из них, в самом уголке примостилась Надежда Васильевна – пенсионерка с первого этажа. Напротив нее, откинувшись назад и раскинув руки в стороны, на спинку лавочки, чтобы не мешать своему огромному животу, сидит дядя Леня из семнадцатой квартиры.

– Зря тетушка волновалась, – бормочет себе под нос Валя и уже громче добавляет: – Добрый вечер, соседи!

– Привет, – откликается дядя Леня.

– Позоревать вышла? – интересуется Надежда Васильевна.

– Воздухом подышать.

– Нашим воздухом дышать – только легкие царапать, – присвистывает дядя Леня.

– Да уж всяко, Леня, лучше здесь, чем у тебя в цеху, – вступает за идею воздушных ванн пенсионерка.

– Это пока, – хмыкает дядя Леня. – Вот погодите, сдадут скоро аглофабрику да новый мартеновский на Ильича – будет и здесь, как у нас в цеху. Правда, Валуша?

– Не знаю, – пожимает плечами Валя. – Зато работа есть, город растет. А без этого был бы наш Жданов, как в Сочи, – дыра дырой. Летом там все на огородах копаются да курортников переманивают друг у дружки. А зимой, говорят, вообще скукотища. У меня подружка ездила туда. В прошлом декабре. Ей путевку дали на такой месяц. Город, говорит, как вымерший. То ли дело у нас: жизнь бурлит.

– Работы хватает, – соглашается дядя Леня.

– Вы со смены? – интересуется Валя.

– Нет, с моря, – радостно сообщает дядя Леня. – Завтра во вторую.

– А мне с утра на стройку, – поясняет Валя.

– Практика, что ли, опять у тебя? – встречает в разговор пенсионерка.

– Какая практика, Надежда Васильевна? – возмущается Валя. – Закончила я техникум в мае. Отмучилась! Теперь я дипломированный техник: промышленное и гражданское строительство. Все могу построить – хоть прокатный стан, хоть жилой дом. Дайте только чертежи, смету...

– Молодец! – почему-то радуется дядя Леня.

– Значит, на работу? – подозрительно уточняет Надежда Васильевна.

– Угу, – кивает Валя, – строим новый жилой микрорайон на Левом берегу.

– Далековато, – вздыхает пенсионерка. – Добираться тяжело. Чего там вообще строить-то? Кто туда жить поедет? До города полдня ехать.

– Ничего, – вступает за погранную Валькину значимость дядя Леня, – она молодая – доедет. И жилье для людей – дело нужное.

– Куда уж нужнее, – признает пенсионерка.

В это время дверь подъезда приоткрывается. Да, тетя Поля явно перестраховалась, опасаясь отправлять племянницу на улицу. В соседском кругу ей явно ничего не грозит.

– Вечер добрый, народ, – приветствует соседей Сергей Павлович.

Он живет на втором этаже. С его дочкой, Ленкой, Валя дружила в школе. Ленка, правда, уже успела выйти замуж, окончив курс наук, как выражается тетя Поля, в восьмом классе. В прошлом году она родила сына и сейчас живет где-то на Волонтеровке в частном доме с мужем, его родителями и этим самым сыном.

– В ночную, что ли, сталевар? – уважительно спрашивает дядя Леня Сергея Павловича.

Сам он работает начальником участка на прокатном стане. Работа непростая. Но все-таки сидеть в каптерке с видом на вальцовочные барабаны и стоять у разверстой пасти мартеновской печи – это совсем ни одно и то же. Рабочий люд дядя Леня искренне уважает, понимая, что на таких именно простых мужиках держится вся огромная страна.

– К печке, куда же еще, – бурчит Сергей Павлович хрипловатым голосом закоренелого курильщика и, надсадно закашлявшись, достает из кармана широких парусиновых брюк мятую пачку «Беломора».

– Погоди, Серега, на, возьми слабенькую на дорожку, – суетится дядя Леня, вставая со скамейки и протягивая Сергею Павловичу пачку «Столичных». Бери, бери. Сейчас я тебе огонька дам.

– С фильтром, – то ли одобрительно, то ли пренебрежительно хмыкает Сергей Павлович, с трудом доставая заскорузлыми пальцами сигарету из жесткой картонной пачки.

– На дорожку самое то, – кивает дядя Леня, щелкая бензиновой зажигалкой в виде маленького пистолетика. – Как раз пока до автобуса дойдешь.

Сергей Павлович закуривает и вновь заходится удушливым кашлем, кивая дяде Лене в знак благодарности.

– Пошел? – спрашивает дядя Леня.

– Время, – вздыхает Сергей Павлович.

Когда он поворачивается, его сутулость становится особенно заметной. Подкрахмаленная бежевая рубашка стоит на спине пузырем, зрительно превращая его практически в горбуна. Несмотря на свою худую, почти тщедушную фигуру, он идет тяжело, с видимым трудом переставляя ноги, обутые в не по-летнему тяжелые осенние туфли.

– Пошел Серега работать, – выдыхает дядя Леня.

– Угу, – поддакивает Валя.

Глава 2

– Вы куда, девчонки? На море? – Сашка произносит это осторожно, боясь вспугнуть удачу, и с надеждой смотрит на двух подружек, собирающихся перебежать через дорогу.

– Ага, – кивает Танька.

– Я с вами! – радуется парнишка, не веря, что ему подвернулась компания. – А то мои пацаны поразъехались на лето. Хоть удавись.

– Так мы не давиться, мы купаться идем, – хмыкает Валя.

– Валь, ты чего? – шепчет ей на ухо Танька. – Пусть идет с нами. Жалко тебе, что ли? Веселее будет.

Сашка живет в соседнем подъезде. Он лет на пять-шесть моложе собравшихся на пляж подружек, и Валя привыкла считать его мелюзгой, которой можно безнаказанно помыкать:

– Сашка, сбегай семечек купи! Сашка, вынеси воды попить! Сашка, слабо тебе вон на той клумбе для нас цветов нарвать?

Теперь же, взглянув на улыбающегося парня, Валя внезапно замечает, как он вырос.

– А я, наверное, совсем старая! – думает она. – Двадцать два уже. Как ни крути, а третий десяток разменяла. И еще ничего значительного, настоящего в жизни не сделала.

От мысли о третьем десятке ей становится совсем грустно, и она смотрит на Сашку почти с раздражением. Сашка пребывает на седьмом небе от счастья. Поход на пляж с двумя взрослыми девушками превращает его в настоящего ловеласа.

– Пусть идет, – то ли с вопросом, то ли с предложением повторяет Танька, которая не понимает Валькиной неприязни к соседскому парнишке.

– Ладно, конечно, – бурчит Валя.

На самом деле ей не хочется, чтобы с ними увязался кто-то еще. Ей надо поговорить с Танькой об одном деле. Поделиться. Проверить на человеке, которого она хорошо знает, правильность своего решения, в котором она сама до сих пор не уверена. И сама мысль об этом разговоре доставляет ей невероятную муку. Она напряженно думает, как же его начать. И не замолкающая ни на минуту трескотня Сашки отвлекает ее. Но делать нечего.

– Пошли, Шурик! – хихикает Танька, сунув парню свою клеенчатую сумку с подстилкой и полотенцем: – На, неси! Джентльмен ты или нет?

– Я не Шурик! – возмущается Сашка. – Никогда меня так не называй! Ты же знаешь – я не люблю!

– Сумку-то бери, Нешурик, – снова хихикает Танька. – И Валькину тоже. Должна же быть с тебя какая-то польза?

– Да ничего, я сама понесу, ерунда, – бормочет занятая своими мыслями Валя. Но Танька почти силой вырывает у нее из рук сумку, чтобы отдать ее Сашке.

– С комфортом пойдём! – уже откровенно хохочет Танька, толкая подругу в бок локтем. – Налегке!

Они знакомы с детства. Играли в куклы на скамейке, ходили вместе в школу. После восьмого класса вместе пошли учиться в строительный техникум. И только распределение развело их по разным участкам большой стройки. Когда Танька в пятницу столкнулась с ней на автобусной остановке и предложила на следующий день сходить на море, Валя охотно согласилась. Она давно искала повод поговорить с подругой. И очень хорошо сделать это на пляже, когда они несколько часов будут лениво лежать на песке, не обремененные никакими делами и заботами.

Утро субботнего дня просто великолепно. Солнце едва поднялось над горизонтом, и висящая в воздухе легкая дымка обещает прекрасный жаркий день. Подружки встретились возле Валькиного подъезда, обогнули угол пятиэтажки и вышли со двора на проспект Нахи-

мова. Они уже готовы были перебежать его, чтобы через бывшие колхозные сады, мимо телевизионной вышки направиться к морю, когда их и окликнул Сашка, набившийся им в попутчики.

– Все разъехались, – твердит он, пристроившись между двух девушек.

Сашка хотел бы взять их под руки. Но его собственные руки заняты сумками с пляжным барахлом. Поэтому он только крутит головой, смотря то на Таньку, то на Валею, и продолжает твердить:

– И Витька, и Пашка, и Жека! А главное – куда? К бабкам в деревни. Вот уж отдых! Да я лучше тут буду сидеть. На море ходить. Только не с кем.

– Да уж мы не хуже твоих пацанов, – не без кокетства замечает Танька. – Живи да радуйся. А они пусть огороды полют, с бабками своими семечки лузгают.

– Точно, – радуется Сашка.

– Везунчик, – фыркает Валея, чтобы хоть как-то поддержать разговор.

Они почти бегом проскакивают через сад, который, несмотря на все усилия тружеников Зеленстроя, никак не хочет превращаться в городской приморский парк, и поворачивают налево, чтобы обойти окруженный толстой кирпичной стеной детский костнотуберкулезный санаторий имени Крупской. Метров через сто стена заканчивается. И если бы они прошли еще метров двести вперед, то справа открылся бы мощный булыжником крутой спуск, извивающийся в овраге и ведущий напрямик к водной станции Азовстали. Но путь можно сократить, если, не доходя до оврага, сбежать прямо по склону.

– Давай напрямик? – предлагает Танька и тут же ныряет с асфальта на узкую тропинку под деревьями.

Валея с Сашкой идут за ней. Скоро тропинка круто обрывается вниз. Место это, прямо над морем, усыпанное обломками белого камня, местные жители называют «греческими виллами». Поваленные колонны, украшенные затейливой резьбой, лежат между разросшимися деревьями. Остатки каменных лестниц, ведущих в никуда, белые глыбы, обрушившиеся со стен и вросшие в землю, довершают картину запустения.

Впрочем, к античности эти осколки былой роскоши не имеют никакого отношения. Просто лет сто назад здесь, тогда еще в пригороде, любили селиться зажиточные мариупольские греки. Может, от тяги к корням, но скорее – просто от безвкусыя, они строили свои дома в античном стиле. Революция смела и богатых греков, и их помпезные жилища. Но и теперь, спустя полвека камень все еще сопротивляется разрушению. Наверное, он помнит своих владельцев, их разговоры о купеческой выгоде, замужестве дочерей и продаже товаров. И голоса давно ушедших из жизни людей все еще звучат в этих воспоминаниях.

Но для Таньки и Валеи эти плиты и обломки дорических колонн – всего лишь стройматериалы. А Сашка и вовсе о них не задумывается, воспринимая в качестве неотъемлемой части с детства знакомого пейзажа.

Перескакивая с камня на камень, девушки и их спутник быстро сбегают по тропинке вниз, пересекают Приморский бульвар и оказываются на городском пляже. Народа здесь еще мало: встающие ни свет ни заря пенсионеры (прийти куда бы то ни было раньше них кажется абсолютно невозможным – будь то пляж или базар) да немногочисленные поклонники активного отдыха, выбравшиеся искупаться перед работой.

– Вода холоднющая! – со зловещей радостью сообщает Сашка, успевший бултыхнуться в море, пока девушки раскладывают подстилки и раздеваются.

– Идем купаться? – предлагает Вале Танька.

– Подождем, – вздрагивает Валея от ледяных брызг, которые попали на нее с отряхивающегося Сашки.

– Что-то ты совсем сегодня злая, – фыркает Танька, которой, должно быть, надоело веселить подружку.

– Тань, мне поговорить с тобой надо, – неожиданно для себя самой, как будто нырнув с разбегу с головой в ту самую холодную морскую волну, выкладывает Валя.

– Ты беременна? – округлив глаза, выпаливает Танька.

– Ух ты! – поражается явно заинтересованный Сашка. – От кого?

– А ты иди купаться, – строго приказывает парню Танька.

– Это почему же? Мне тоже интересно, – возмущается тот.

– Тебе еще рано таким интересоваться, – как-то по-взрослому, почти с материнской ноткой изрекает Танька.

– Да я больше тебя об этом знаю, – запальчиво и несколько опрометчиво заявляет юноша.

– Успокойтесь оба, – морщась от раздражения, что ее разговор с подругой как-то сразу пошел не туда, приобретя окраску некой скандальности, предлагает Валя. – Я не беременна. Почему сразу это? Что, у меня других целей нет в жизни? Или я больше ни на что не способна, что ли?

– Так что случилось? – спрашивает Танька и вновь шикает на Сашку: – В море, я сказала!

– Не пойду! – огрызается Сашка.

– Да я тебе! – злится Танька.

– Хочет – пусть остается, – снова морщится Валя. – Я просто хочу тебе сказать...

Она мнетя, не зная, как лучше сформулировать свою мысль, чтобы она вызвала как можно меньше удивления или возмущения.

– Что? – Танька садится на подстилку рядом с подругой.

– Я из Жданова собираюсь уехать, – выдыхает Валя.

– Так и я, может, тут всю жизнь не проживу, – усмехается Танька. – Как тут загадывать? Нашла новость.

– Я – скоро, – уточняет Валя, отчасти разочарованная невозмутимостью подруги, и добавляет, чтобы избежать дополнительных вопросов: – Уеду скоро.

– Когда? – спрашивает Танька и в глазах ее появляется тревога.

– Не знаю точно. Как билет возьму и расчет оформлю. Недели через две, может быть.

Или чуть позже.

– Куда? – недоверчиво интересуется Танька. – Случилось что-то или как?

– Ну что ты заладила: «случилось» да «случилось», – раздраженно выдает Валя. – Ничего не случилось. Никто не умер. Просто я хочу что-то серьезное сделать в жизни. Изменить что-то. Чтобы было, что потом вспомнить.

– И куда едешь? – интересуется Сашка.

Валя смотрит на него с благодарностью. Хотя бы можно сдвинуть с мертвой точки завязший в бесконечных пререканиях разговор.

– На Кольский полуостров, – выпаливает она, – в Хибины. Там город новый строят. Комсомольская стройка.

– Зачем? – Танька беспомощно разводит руками.

– Что «зачем»? – огрызается Валя. – Ученых туда будут заселять. Институтами. Научный центр организовывать.

– Зачем тебя туда несет? – уточняет явно растерянная подруга.

– А я вот не смог бы без моря, – неожиданно изрекает Сашка.

– Так там тоже море, – с готовностью переключается от Танькиных философствований к разговору, требующему вполне конкретной аргументации, Валя.

– Какое? – хмыкает Сашка, явно довольный своими географическими познаниями. – Баренцево? Толку-то с него! Я бычков люблю ловить. Сидишь на волнорезе...

– Ага, – с ехидством перебивает Валя, – холодно, противно.

– Ты еще «мокро» скажи! – возмущается Сашка.

– Да, и мокро тоже, – с готовностью поддакивает Валя.

- Так для того же и идешь рыбачить, – хмыкает Сашка.
- Чтобы мокро было? – фыркает Валя.
- Нет, чтобы все вместе: вода, волны шумят, запах! Запах, знаешь, какой на волнорезе? – Сашка мечтательно задумывается, подбирая слова.
- Как будто я на волнорезе не бывала, – снова фыркает Валя.
- Так ты там летом бывала, в жару, как вон сегодня, – поясняет Сашка. – А ты знаешь, как там осенью? Или весной, самой ранней, когда еще никого на пляже и в помине нет? А ты сидишь с удочкой, и брызги тебе на лицо...
- Вот, я же и говорю: холодно, мокро и противно, – огрызается Валя.
- Не, не противно совсем, – мечтательно произносит Сашка, не зная, как еще выразить свою страсть к рыбалке.
- Палтус, – неожиданно бросает Валя.
- Что «палтус»? – не понимает Сашка.
- В Баренцевом море ловят не бычка, а палтус, – поясняет Валя.
- Да? – сбивается с мысли Сашка.
- Тебя-то чего туда несет, к палтусу этому? – вновь повторяет Танька, пропустив, должно быть, мимо ушей пикировку подруги с Сашкой.
- Как ты не понимаешь? Я же строитель! – совсем, как только что Сашка, неожиданно воодушевляется Валя.
- И что с того? – обрывает ее подруга. – Я, между прочим, тоже строитель. И я тебе так скажу: нам и здесь работы хватит.
- Нет, вы не понимаете, ребята! – возмущается Валя.
- Она хотела поделиться с Танькой своими планами, рассчитывая на поддержку. А вместо этого вынуждена держать круговую оборону, доказывая свою правоту, в которой и сама, если честно, не до конца уверена.
- Там же целый город строят! – выпаливает она. – Апатиты называется.
- Гепатиты, – передразнивает Сашка.
- Я туда письмо написала, – продолжает Валя, не обратив внимания на Сашкин выпад. – В трест. И ответ уже получила. Положительный. Меня ждут.
- Ждут не дождутся, – вставляет Сашка, скорее для того, чтобы хоть как-то закончить надоевший ему разговор, чем из желания удержать Валю в Жданове.
- Танька более настойчива.
- Пашка-то знает? – интересуется она, поджав губы. – Ты ему сказала?
- Нет еще, – напряженно замечает Валя. – А что?
- А ничего! – вспыхивает Танька. – Своему парню не сказала, что уезжаешь через две недели. Замечательно. Он, надо думать, обрадуется такому повороту событий.
- Я скажу, – пытается возразить Валя. – Я с тобой сначала хотела посоветоваться.
- Так вот мой тебе совет: забудь про эту глупость, – выдает раздраженно Танька. – Чего тебе не хватает? Работаешь, парень есть, замуж выйдешь.
- Да что ты все о Пашке? – огрызается Валя. – Он тут не приклеенный. Захочет – со мной поедет.
- Ага, в чемодане, – фыркает Танька. – Надо было сразу с ним все это обсудить. Еще когда только письмо собиралась писать в трест свой. А то вряд ли он обрадуется.

Глава 3

Пашка, как и предсказывала Танька, совсем не выглядит обрадованным, когда на следующий день Валя, набравшись храбрости, рассказывает ему о своих планах на переезд. Он мрачнеет, замолкает и как будто сразу отстраняется от Валькиных проблем.

– Твое дело, – выдавливает Пашка. – Я думал, что у нас с тобой что-то получается. Серьезное. Но, видать, ошибался.

– Что вы все на меня окрысились? – возмущается Валя. – Как будто я вам враг какой-то.

Ее особенно колет слово «серьезное». Что же он раньше-то про серьезность ничего не говорил, даже не намекал? Может быть, тогда бы и она себя по-другому вела, уехать не стремилась. А то все самое главное почему-то всегда выясняется, когда уже поздно что-то изменить. Так, наверное, о том, как все тебя любят и уважают, узнаешь только тогда, когда помирать начнешь. Лежишь на кровати под белой простыней, а вокруг тебя собрались друзья, о которых ты раньше и не задумывался. И все такие хорошие слова о тебе говорят:

– Вот, если бы не болезнь, то мы бы с тобой в Крым поехали. Давно собирались. Да вот не получилось.

– А мы, – говорят другие, – хотели тебе холодильник подарить. Но теперь, видать, уже не судьба.

А ты лежишь и думаешь:

– Где ж вы до этого были?

– А кто это «все»? – цепляется за Валькины слова Пашка и смотрит на подругу почти со злобой.

– Кто? Никто! Ты, например, – огрызается Валя, очнувшись от философских размышлений.

– Нет, постой, ты сказала: «вы все». Кто все? – в голосе Пашки чувствуется закипающая обида.

– С Танькой я разговаривала об этом, – с неохотой выдавливает Валя. – Она моя лучшая подруга. Спросила ее мнения.

– Сначала ее, а потом уже мое, да? – возмущается Пашка. – Так? Я у тебя на последнем месте?

– Нет, не на последнем, – бурчит Валя. – Я тете Поле еще ничего не говорила.

– Ага! – почти с радостью от того, что его обида явно оправдана, фыркает Пашка. – На предпоследнем, значит? Прекрасно. И что ты от меня ждешь? Что я запрыгаю от восторга, да? Вроде все нормально было. У нас с тобой, я имею в виду. И вдруг ни с того ни с сего...

– Почему же ни с того ни с сего? – извиняющимся тоном произносит Валя. – Я над этим долго думала...

– А что же не поделилась-то раньше? – обрывает ее Пашка. – Может, я бы и понял.

– А сейчас – нет, не поймешь? – злится Валя и добавляет, вспомнив свои недавние размышления о бренности бытия: – Я не помираю пока. Вполне можешь понять, если захочешь.

– Так времени у меня нет на понимание, не дала ты его мне, – пожимает плечами Пашка. – Просто поставила перед фактом. Прощай, мол. И все дела.

– Почему сразу прощай? Давай вместе поедem? – со слезой в голосе выдавливает Валя и, вспомнив об аргументе Сашки, добавляет: – Ты же не рыбачишь.

– И что с того? – хмыкает Пашка. – Ты сама-то рыбачка, что ли?

– Не я, – отмахивается Валя.

– А кто? – подозрительно интересуется Пашка.

– Неважно, – поняв, что в очередной раз сплупила, отмахивается Валя.

– Кто рыбак? – требует Пашка.

– Сашка, – неохотно произносит Валя и уточняет: – Парень соседский.

– Вот как! – возмущается Пашка. – Даже соседский парень, оказывается, в курсе твоих планов. Ты его с собой приглашала, что ли?

– Причем тут Сашка? – заламывает Валя руки. – Не придирайся! Поехали вместе, в Хибины, город строить, а?

– Ты серьезно думаешь, что меня здесь ничего не держит? – продолжает возмущаться Пашка. – Сказала: «поехали», – и я тут же кинулся вещички собирать. Как здорово у тебя все получается. За сколько суток до отъезда ты мне все сообщила? За неделю? Прямо сейчас и побегу билет покупать. Если не поздно, конечно.

– Не обязательно же буквально вместе ехать, – примирительно предлагает Валя. – Ты можешь приехать через месяц. Или через два. Как получится. Я все разужнаю. Какие специалисты там нужны. А ты...

– Не езжай! – перебивает ее Пашка.

– Что? – увлеченная своими планами, не понимает его Валя.

– Не езжай ты в эту Тмутаракань, – повторяет Пашка. – Не надо. Давай жить, где живем. Тут все родное. А там – Север. Тут ночь еще, а там уже день, наверное.

– Вот только не надо этих глупостей географических! – возмущается Валя. – Я смотрела на карте: Кольский полуостров на той же долготе, что и Жданов. Может, даже западнее немного. А значит, и время там то же самое, киевское. В смысле, у них московское. Это тебе не Сибирь. И не Дальний Восток.

– Ладно, ладно, разошлась, – машет рукой Пашка. – Пусть будет так. Разницы-то никакой: Север, холод, снег. А здесь все по-другому. Может, и не лучше – тут уж как кому нравится, – но привычнее, роднее. Не езжай.

– Не могу, – голос Вали на мгновение срывается, когда она и сама внезапно думает о том, что теряет все, что окружало ее с детства.

Впрочем, уже в следующее миг ей приходит в голову, что растает она со всем этим не навсегда, что к тете Поле можно будет приезжать в отпуск хоть каждый год, и что Жданов никуда от нее не денется.

– Не могу, – повторяет она твердо, – я уже и билет купила.

– Ну, тогда не смею задерживать, – отрезает Пашка. – Что тебе от меня нужно? Чтобы я добро тебе дал на переезд? Так оно тебе не нужно.

– Провожать-то придешь? – обреченно выдавливают Валя.

– Когда? – безропотно интересуется Пашка.

Он наконец осознает неизбежность расставания, и его гнев сразу куда-то улечивается.

– В пятницу, московский поезд, – уныло сообщает Валя.

– Не, не получится, – вздыхает Пашка, прикинув что-то в уме. – У меня смена как раз.

– Поменяйся с кем-нибудь, – предлагает Валя.

– Не, не получится, – упрямо повторяет Пашка.

– Прекрасно, – фыркает Валя и отворачивается, чтобы несговорчивый друг не видел ее слез.

– Вот и поговорили, – мрачно констатирует Пашка, словно подводя окончательную и бесповоротную черту не только под их беседой, но и под всеми их отношениями.

Глава 4

Вагон дергается и медленно плывет вдоль перрона Ленинградского вокзала. Шумная Москва, в которой Валя до этого была лишь однажды, в детстве, когда они с тетей Полей приехали сюда на пять дней к дальним родственникам, проваливается куда-то назад, под стучащие на стыках колеса состава.

Перед поездкой Валя строит относительно десятичасового пребывания в столице грандиозные планы: прогулка по Красной площади, поход в Третьяковскую галерею, что-то еще, о чем сейчас она уже не хочет и вспоминать.

На практике все происходит совсем иначе. Уже в поезде Жданов-Москва Валя так устает и выматывается от нестерпимой духоты, что, выйдя на столичный перрон, мечтает только о том, чтобы принять душ и лечь спать, причем желательно в холодильнике или на снегу. Снега, впрочем, в не менее душной, чем Жданов, Москве, понятное дело, нет. Как, собственно, нет и душа. Вернее, возможности его принять. Связь с дальними родственниками, у которых Валя провела когда-то пять дней, давно потеряна. Тетя Поля, правда, дала ей адрес. Но Валя представляет, как добирается на метро, а затем на автобусе к почти не знакомым ей людям, и решительно отказывается от этой идеи.

Она перебирается с вокзала на вокзал и, сдав вещи в камеру хранения, куда, кстати, приходится отстоять немалую очередь, все оставшееся время сидит в зале ожидания. Ближе к отъезду она заходит в привокзальный буфет, где съедает сомнительно вида сосиски с макаронами и запивает их желтоватым чаем. Затем в ближайшем гастрономе она покупает еду в дорогу. Вернувшись на вокзал, Валя, не дожидаясь объявления о начале посадки, забирает чемодан из камеры хранения и выходит на перрон.

Поезд подают за десять минут до отправления, и народ начинает спешно в него усаживаться. Валя оказывается в одном купе с пожилой женщиной.

– Вы из Москвы едете? – интересуется у Вали попутчица, когда они, остыв от кутерьмы отправления, расстилают постели на деревянных полках и собираются пить чай.

– Нет, – отвечает она, отчаянно качая при этом головой, как будто стараясь стряхнуть с себя столичный шум, – из Жданова.

– А я из Рязани, – поясняет женщина. – Внучку еду забирать.

– Из Мурманска? – спрашивает Валя, чтобы как-то поддержать разговор.

– Из Североморска, – отвечает женщина и на всякий случай уточняет: – Рядом с Мурманском. Военный городок.

– А-а, – тянет Валя.

– Увез дочку, – продолжает разговор женщина. – Зять увез. Военный он у меня. Офицер. Говорила я дочке: «Не выходи за курсанта, будешь потом всю жизнь по гарнизонам мотаться». Так и вышло.

– А-а, – повторяет Валя и добавляет, не ожидая уже ничего хорошего: – Зять служит в Североморске?

– Угу, – кивает женщина. – Сразу после училища его туда и направили. А ведь не моряк он – десантник. Ну да бог их там поймет, кого и куда у них направляют. Лишь бы дома не оставить. Внучка уже там родилась, за полярным кругом. Тьма, метель. А у нас в Рязани так хорошо!

Женщина вздыхает, а потом спрашивает:

– А вы в Мурманске живете?

– Нет, – смущенно бормочет Валя, – в Жданове живу. Жила, вернее. В общем, сейчас как раз переезжаю на Север.

– Тоже, наверное, за мужем вслед? – сочувственно интересуется женщина.

– Нет, я сама, – еще больше почему-то смущается Валя, как будто признается в чем-то очень нехорошем. – Работать еду.

– Да что же вам в Жданове работы не хватило, что ли? – возмущается попутчица.

Почти то же две недели назад говорила Вале Танька.

– Там интереснее, – огрызается Валя и уточняет: – На Севере.

– Это первый месяц интересно, – назидательно замечает женщина. – А потом небо с овчинку покажется. Я как-то прожила у них в Североморске почти полгода. Дочка болела сильно. А Машке, внучке моей, тогда и двух лет еще не было. Вот и пришлось. Едва выдержала.

– Ну, у всех, наверное, по-разному бывает, – мямлит Валя.

Сейчас ей меньше всего хочется выслушивать гадости о еще не знакомом ей Кольском полуострове. Сидя в Москве на вокзале, она фантазировала, что ее попутчиками будут коренные северяне, патриоты своего сурового края – рыбаки или геологи, которых можно будет о многом расспросить, разузнать о местной жизни, природе, людях. Но вместо этого в течение следующих суток Вале приходится изнывать от бесконечных стенаний Надежды Федоровны – так зовут ее рязанскую попутчицу.

Чтобы избавиться от разговоров, которые с неизбежностью сводятся к тому, как замечательно жить в Рязани, да и вообще, где угодно, кроме того места, куда она как раз направляется, Валя во второй вечер перебирается на одну из верхних полок, которые так и остаются незаселенными.

– Сейчас никто туда не едет, – со знанием дела объясняет ей ситуацию Надежда Федоровна. – Сейчас все на юг уезжают. Вот к осени начнут собираться. Как схлынет толпа в середине сентября, так и я Машку назад повезу. Благо, нам спешить некуда. Мала еще, в школу не ходит. К Первому сентября торопиться пока не надо. Пусть погостит подольше, подышит нормальным воздухом.

Валя забирается на верхнюю полку, отворачивается к стенке и притворяется спящей. Лишившись собеседницы, Надежда Федоровна вскоре тоже ложится. Тогда Валя осторожно, стараясь не шуметь, переворачивается на живот и поверх подушки смотрит на пролетающий за окном пейзаж. Уже далеко за полночь, но сон не идет. Она вспоминает Жданов. Сейчас ей кажется, что она покинула его много лет назад. А ведь это была всего лишь минувшая суббота.хлопоты сборов накануне, вокзал, тетя Поля и Танька, суесящиеся рядом и все время норовящие помочь ей с вещами.

– Ты еще устать успеешь, – говорит тетя Поля, почти силой вырывая у нее из рук новенький, специально для этой поездки купленный чемодан.

– Да где ж я устану? – возражает она. – Мне же трое суток лежать на полке!

Вспоминая сейчас об этом, Валя улыбается: три бабы рвут друг у друга из рук вещи на перроне. Смешно. Жаль только, что Пашки не было. Он пришел накануне, за день до отъезда. Чтобы попрощаться. Это он так сказал. А она при этом не смогла сдержать слез.

– Что значит «попрощаться»? – почти вскрикнула она. – Приезжай. И я приеду. Следующим летом. Не на Марс же отправляюсь.

– Да по мне твой Мурманск хуже Марса, – буркнул Пашка. – На, держи, память будет, – и он протянул ей картонную коробочку, в которой оказались наручные часики – маленькие, продолговатые и позолоченные.

– Я и ремешок купил, – добавил Пашка. – Так что можешь сразу и надеть. В дорогу.

– Хорошо, – пробормотала Валя, – спасибо тебе.

Часики эти сейчас у нее на руке. Она почти непроизвольно косит на них взгляд. А затем снова сосредоточивается на мечущихся за окном вагона залитых полуночным солнцем карельских сопках. Бесконечный день. Утром она будет уже в Мурманске. Надо где-то остановиться, нормально поесть, сходить в трест. Нет, лучше сразу в трест. Прямо с вокзала. Ее охватывает беспокойство: все ли пойдет так, как она планировала, все ли уладится? Дела надо решать

быстро, ведь в кошельке у нее только сто тридцать рублей. Все, что осталось после покупки необходимых в дорогу вещей от полученных при расчете денег.

– Все получится, – шепчет Валя сама себе. – Должно получиться. Я же везучая.

Глава 5

Поезд приходит в Мурманск ранним утром. Можно было бы сказать – ни свет ни заря, если бы не стоящее в зените солнце. Его лучи заливают окрестности снопами белого света, как будто льющегося из сварочной дуги. Валя выгружается из вагона и, пройдя через здание вокзала, оказывается на площади. Что делать дальше, она не знает. Прибывшие вместе с ней граждане как-то сразу растворяются в залитом светом пространстве. Кого-то встречают родственники или знакомые, кто-то шмыгает в таксомотор, громко хлопая за собой дверкой, кто-то просто деловито направляется куда-то вместе со своими пожитками.

– Ой, – бормочет Валя и встряхивает головой, чтобы собраться с мыслями.

До сих пор ее главной целью было добраться до этого города, спрятанного на карте где-то возле Финляндии и Норвегии. Ей представлялось, что здесь она сразу увидит трест, в который направляла свой запрос и откуда ее пригласили на работу. Наверное, именно туда и пойдут все люди с поезда. Куда же им еще идти?

То, что прямо перед вокзалом не оказалось никакого треста, оказывается для нее полной неожиданностью. И теперь она пытается сосредоточиться, чтобы действовать дальше. Собственно говоря, решение напрашивается само собой: спросить у кого-нибудь дорогу. Благо, что адрес треста она давно заучила наизусть. Но беда в том, что спрашивать уже решительно не у кого. Народ, прибывший с ней, разбежался, а никого больше в столь ранний час на улицах просто нет. Кроме того, Валя соображает, что и сам трест, если даже она до него доберется, окажется закрытым. Стоять же со всеми вещами возле дверей несколько часов будет крайне нелепо.

Валя топчется еще несколько минут в нерешительности, не зная, что предпринять, а затем, подхватив чемодан, направляется через площадь вдоль по улице, которая впереди, через пару кварталов стремительно уходит куда-то вверх. Но подниматься в гору ей не приходится. Обогнув первый же дом, стоящий напротив вокзала, Валя видит незамысловатое деревянное здание в два этажа, на котором висит табличка «Гостиница». Валя вспоминает о ста тридцати рублях и о том, что надо всячески экономить. Но что же ей делать в такую рань на улице, да еще с вещами?

Дверь в гостиницу оказывается открытой. Пройдя через тамбур, Валя попадает в небольшой холл, где за стойкой, уронив голову на подбородок, дремлет пожилая женщина в черном, как у проводницы вагона, кителе. Валя подходит к стойке и осторожно, чтобы не шуметь, ставит чемодан на пол. Впрочем, она тут же понимает бессмысленность подобной деликатности. Как ни крути, а ей необходимо разбудить администратора.

– Извините, – робко произносит Валя.

Но ее слова не имеют абсолютно никаких последствий.

Тогда она повторяет уже громче:

– Простите, пожалуйста!

Женщина за стойкой вскидывает голову и смотрит на Валу сонным взглядом.

– Съезжаете? – произносит она.

– Нет, – растерянно мотает головой Валя.

– Тогда что? – удивляется такому повороту событий женщина в кителе.

– Мне бы комнату, – нерешительно произносит Валя. – Комнату хочу снять. Только недорого. Или место. Место даже лучше. У вас есть?

– Да, конечно, – женщина-администратор окончательно просыпается. – Извините. Время, знаете ли, – она смотрит на часы, висящие на стене, – самое сонное, четыре утра.

– Да, конечно, – кивает Валя. – Но я с поезда. Есть место?

– Разместим, – кивает женщина в ответ. – Только зачем вам место? Возьмите комнату. Удобнее и не намного дороже.

– Сколько? – интересуется Валя.

– Всего два пятьдесят в сутки, – отвечает женщина.

– Хорошо, – соглашается Валя, прикинув свои финансы, – оформляйте.

Она достает из сумки и протягивает женщине в кителе свой паспорт. Заполнив необходимые бумаги и дав Вале расписаться в самом низу, женщина, оставив свой пост, ведет Валу в аккуратную комнатку на втором этаже.

– Вот, располагайтесь, – говорит она. – Надолго к нам?

– Не знаю, – устало вздыхает Валя, – может, и на всю жизнь. Только мне не в сам Мурманск надо.

– В гарнизон какой-нибудь, – уверенно предполагает женщина-администратор снисходительным голосом человека, который в таких вещах ошибок не делает. – К мужу, наверное?

– Нет, не к мужу, – невольно морщится Валя, которой неприятно от того, что ей снова недвусмысленно намекают на то, что по доброй воле никто в эти места никогда не приезжает и что вытерпеть их можно исключительно из любви к своей второй половинке.

– Я работать сюда приехала, – поясняет она. – Не сюда, вернее, а в Апатиты.

– В Апатиты? – удивляется женщина в кителе и, всплеснув руками, добавляет: – Так вам надо было на станции Хибины выходить. Зачем же вы до Мурманска-то ехали? Теперь возвращаться придется.

– Возвращаться? – теряется Валя.

– Конечно, – подтверждает администратор, – Апатиты-то вон где, – она неопределенно машет рукой куда-то за окно, – километров двести будет.

– Я... – начинает Валя.

Но, тряхнув головой, все же преодолевает напор своей собеседницы, которая почти прервала ее в растеряху, неизвестно зачем и куда приехавшую, и продолжает уже уверенно:

– Не путайте меня, пожалуйста. Мне сначала надо в трест. Он здесь находится, в Мурманске. Отдел кадров, по крайней мере. Оформлюсь, а потом уже поеду в Апатиты.

– Хорошо, хорошо, – охотно соглашается администратор. – Раз надо – значит, надо. Я ведь таких тонкостей не знаю. Трест дело такое.

– Утром и пойду, – подтверждает Валя. – Подожду только, пока рабочий день начнется.

– Да что же вы, с поезда – и сразу на работу устраиваться? – всплескивает руками администратор. – Чайку вам принести? Я кипяток подогрею.

– Да, спасибо, если можно, – бормочет Валя.

– Даже нужно, а не можно, – усмехается, глядя на нее, женщина в кителе. – Чайку попьете, полежите немного, а потом в баньку надо сходить. С дороги это самое главное. Тут баня неподалеку, десять минут ходьбы. С утра там народа никого нет. А вам это как раз и нужно. Помоемся, грязь с себя долой. Покушаете где-нибудь в столовой. А потом уже – в трест свой. Завтра.

– Что вы! – пугается Валя. – Мне быстро надо.

– Чайку, сначала чайку, – повторяет администратор и выходит из комнаты, бормоча: – Сейчас все организуем.

Она возвращается через несколько минут со стаканом парящего в холодном утреннем воздухе стаканом чая в подстаканнике.

– Прямо, как в поезде, – думает Валя.

– Вот, выпейте, а потом отдохайте, я больше мешать не буду, – говорит женщина в кителе и выходит из комнаты.

Валя присаживается на стул, неожиданно почувствовав, что после вагонной качки ноги не совсем ее слушаются, а в голове все еще стучат и стучат колеса.

Выпив чаю, она ложится на кровать и словно проваливается в сон. Трое суток полудремы на вагонной полке оказываются не в счет. И дорожная усталость берет свое.

Валя просыпается уже после полудня. Одевшись, она спускается вниз и, подробнее расспросив у женщины в кителе дорогу к бане, отправляется туда. По пути она заходит в первую попавшуюся столовую, потому что неожиданно чувствует сильный голод. Хотя ничего неожиданного в этом факте нет: в последний раз, не считая утреннего чая, она ела вчера ранним вечером. Первый день в незнакомом городе проносится вскачь, не оставив Вале ни единого шанса добраться до треста. Так что поход туда приходится, как и предвидела женщина в кителе, отложить до завтра.

Глава 6

Проснувшись на следующее утро, Валя чувствует себя действительно отдохнувшей. Пол уже не качается у нее под ногами, а в голове не стучат на бесконечных стыках стальные вагонные колеса. Взяв необходимые документы, она отправляется в трест. После расспросов прохожих выясняется, что он занимает мрачное здание из серого кирпича всего в паре кварталов от гостиницы.

– Я на работу оформляться. У меня вызов есть, – сообщает она вахтеру, сидящему за стойкой в полутемном холле.

Валя хочет уже достать этот самый вызов из сумочки для подтверждения своих слов, но вахтер лениво кивает и цедит сквозь зубы:

– Отдел кадров на третьем этаже.

По мраморным лестницам снуют люди с папками и свернутыми в трубочки ватманскими листами. На лестничных клетках организованы стихийные курилки. Продравшись сквозь толпу и клубы табачного дыма, Валя поднимается на третий этаж. В отдел кадров стоит огромная очередь. Внутри приглашают по два-три человека сразу, но и держат там подолгу. Наконец Валя проходит в кабинет к инспектору. Но тут выясняется, что ей надо не сюда. В отделе кадров, объясняет ей девушка, сидящая за столом, заваленным папками-скоросшивателями, нанимают только рабочих. А специалистам, приехавшим по вызову, надо обращаться непосредственно к начальству, чтобы подписать этот самый вызов.

Приходится подняться на этаж выше. От обилия табличек «Приемная» на веренице дверей Валя теряется. Собравшись с духом, она открывает первую попавшуюся дверь и входит в просторную комнату с огромным окном.

– Вы к Натану Ефимовичу? – интересуется у нее женщина, должно быть, секретарь, обставленная со всех сторон телефонами разных мастей и фасонов.

– Нет, – мнется Валя, – я хотела бы узнать, не подскажете, к кому мне нужно обратиться, я приехала по вызову, мне сказали подойти к руководству.

– Да, – кивает женщина-секретарь, – вам лучше обратиться непосредственно к тому, кто подписал ваш вызов.

Валя сходу называет фамилию. За прошедшее с момента получения вызова время она столько раз вертела и крутила в руках эту невзрачную бумагу с несколькими машинописными строками, что давно заучила ее наизусть.

– К сожалению, Семен Аркадьевич уже окончательно перебрался в Апатиты, – качает головой женщина-секретарь.

– Мне туда надо ехать? – почувствовав в душе некоторое раздражение, интересуется Валя.

Она вспоминает мудрую администраторшу в гостинице, которая сразу предположила, что ей придется возвращаться на станцию Хибин. Нет, в этом, конечно, нет ничего страшного. Она ведь все равно собирается ехать туда на работу. Но одно дело – ехать с уже оформленной трудовой книжкой, гарантией размещения и прочее и прочее. Совсем другое – вновь искать гостиницу и обивать пороги очередного главка. А вдруг не возьмут, в конце концов? Хватит ли у нее денег добраться назад в Жданов?

– Где мне его там найти? – спрашивает она у секретаря.

– Подождите, – машет та рукой. – Вы же специалист, да? Строитель?

Валя кивает.

– Вам не обязательно обращаться именно к Семену Аркадьевичу, – продолжает женщина. – Желательно, но не обязательно. Отдел кадров все равно пока здесь, в Мурманске. Вы

можете подписать вызов у любого из заместителей управляющего трестом. Потом оформиться. А потом уже поехать в Апатиты.

– Хорошо, – радуется Валя тому, что женщина с телефонами словно прочла ее мысли.

– Да вы проходите к Натану Ефимовичу, – заговорщическим шепотом произносит женщина, кивнув на обитую дерматином боковую дверь. – Он как раз сейчас свободен.

– Спасибо, – благодарно отвечает Валя.

В большом кабинете, куда она входит из приемной, за огромным столом сидит совсем еще не старый, как ожидала Валя, мужчина с залысинами и выбритыми до синевы щеками. На нем галстук и пиджачная белая рубашка. Но сам пиджак висит на спинке одного из стульев, шеренгой выстроившихся вдоль стены.

– Натан Ефимович? – начинает Валя.

– Угу, – с готовностью откликается мужчина, уставившись на нее своими черными навыкате глазами. – А вы кто такая красавица?

– Я? – теряется Валя. – Я не красавица. У меня вызов.

– И это я вас вызывал? Когда и зачем? – насмешливо спрашивает мужчина. – Не верю, я бы запомнил.

– Я на работу устраиваться, – окончательно сбившись от такого игривого приема, продолжает Валя, стараясь изъясняться максимально четко и понятно. – У меня вызов. Вот, – она подходит к столу и протягивает мужчине бумагу. – Он подписан Семеном Аркадьевичем. Но мне сказали, что он уже перебрался в Апатиты и что вы можете...

– Могу, конечно, могу! – перебивает ее мужчина. – Я много чего могу. Может, даже и побольше вашего Семена Аркадьевича. Присаживайтесь. У вас все документы с собой?

– Да, вот, – и Валя протягивает ему заранее приготовленные диплом, трудовую книжку и паспорт.

Мужчина за столом берет их и, небрежно перелистав, многозначительно произносит:

– Отлично.

– Так вы меня берете на работу? – интересуется Валя.

– Конечно, – кивает Натан Ефимович, – не зря же мы вас вызывали. Завидую я Семену Аркадьевичу. Вечно он вызывает самых красивых девушек и увозит их к себе в Апатиты. Так просто невозможно работать.

– Так я могу идти в отдел кадров оформляться? – нетерпеливо уточняет Валя. Она уже устала от толкотни в прокуренном коридоре, а теперь еще и от напористого флирта мужчины с глазами навыкате, и хочет быстрее закончить все формальности.

– Можете, – снова кивает мужчина. – Только зачем вам в Апатиты ехать?

– В каком это смысле? – переспрашивает Валя.

– Да в самом прямом, – усмехается мужчина. – Нам и в Мурманске люди нужны. Наш трест по всей области строит. В Мурманске в том числе. Зачем вам в Хибины ехать? Оставайтесь здесь.

– Но я же вызов получила в Апатиты, – теряет Валя.

– И что с того? – возражает мужчина. – Вы же не крепостная? Вы – молодой специалист, строитель. Из братской советской республики. Комсомолка, я полагаю?

Валя машинально кивает.

– Вот, – радуется мужчина. – Приехали к нам на Север. Прекрасно. Но зачем же обязательно ехать в Апатиты? Здесь тоже есть работа.

– Вы меня запутали, – вздыхает Валя.

– Да что же вы так легко запутываетесь? – разводит мужчина руками в мнимом бессилии. – Хорошо, давайте попробуем по-другому: скажите мне, вы где остановились? У родственников? В гостинице? Какой? Она ведь, как вы наверняка заметили, деревянная. Барак, по сути. Невозможно, чтобы в развитом промышленном советском городе были деревянные

гостиницы. Да еще к тому же в самом центре. И не будет их. И очень даже скоро. Слово вам даю. Но для этого нам всем надо хорошо поработать. Именно нам. Вы же строитель?

– Но в Хибинах строят целый город, – с упреком произносит Валя, почти со злобой глядя на мужчину за столом.

– Романтики захотели? – с готовностью подхватывает тот. – Так я вам вот что на это отвечу: город городом, но главная стройка там рядом, в Кировске – новая обогатительная фабрика. Объект важный и сложный, не спорю. Но промышленный. Разве не интереснее строить жилые дома и школы? В них будут жить люди, учиться дети. И у нас в Мурманске как раз сейчас намечается широкомасштабное гражданское строительство. Оставайтесь здесь.

Валя вздыхает. Она вновь чувствует, как устала за все последние дни: расчет с работы, когда в напутственных словах сослуживцев чувствовался не то сарказм по поводу ее решения, не то упрек, сборы, долгая изматывающая дорога. И вот теперь она никак не может завершить свое путешествие. Ей уже и самой не хочется ехать в эти самые Хибиньы. Она думала, что они находятся где-то совсем рядом от Мурманска, тоже на берегу моря. А оказалось, что туда нужно добираться поездом несколько часов. И что там? Опять бегать по инстанциям, искать начальство, прораба? Не лучше ли, правда, остаться здесь, в областном центре?

– А как же Семен Аркадьевич? – выдавливает она, вспомнив о подписи в своем вызове.

– А что Семен Аркадьевич? Что вы о нем так беспокоитесь? – фыркает мужчина. – Я с ним сам поговорю. Да и зачем он вам? Он старый, лысый, и ботинки у него вечно в песке со стройки. Я гораздо лучше его. Поверьте. Оставайтесь работать у меня. Договорились?

Валя сдается. Натан Ефимович лично отводит ее в отдел кадров, где все та же девушка, сидящая за заваленным папками столом, тут же оформляет ее на работу. После этого Натан Ефимович отправляет ее к завхозу треста.

– Идите к Зинаиде Петровне Павленко, – произносит он тоном, которым обычно общаются с маленькими детьми. – Это на втором этаже, кабинет 205. Если будет закрыто, стучитесь – не стесняйтесь. Она наш завхоз и все устроит с вашим размещением. Не в гостинице же вам жить. А завтра с утра – на работу. Подходите прямо ко мне, я все решу.

Зинаида Петровна оказывается очень приветливой, но до изнеможения уставшей женщиной. Она принимает Валу, как родную, проявляя к ней почти материнскую заботу. Но с размещением возникают сложности.

– Нет, из гостиницы мы вас обязательно заберем! – говорит она Вале. – Комнату в общежитии найдем. Но сегодня, наверное, не получится. Денька через два-три сделаем. У нас сейчас бригада формируется для апатитской площадки. К концу недели ребята должны съехать. Появятся свободные комнаты. А пока поживете у меня, – Зинаида Петровна протягивает Вале ключи. – Это совсем рядом с вашей гостиницей. Зеленый дом за углом. Первый подъезд, квартира семь, третий этаж.

Валя пытается отказаться. Но Зинаида Петровна и слушать ничего не хочет.

– Я одна живу, – машет она руками. – И почти все время на работе. Я даже сплю здесь иногда, на диванчике в кабинете. Так что дома вы меня никак не стесните. Зачем вам деньги на гостиницу тратить? Они ведь у вас не лишние, так? Держите ключи и перебирайтесь.

Напор Зинаиды Петровны настолько искренний, что Валя уступает. Когда она возвращается в гостиницу, чтобы забрать свои нехитрые пожитки, на вахте вновь дежурит знакомая женщина в кителе, которая ее заселяла.

– В Хибиньы уезжаете? – спрашивает она, когда принимает у Вали номер.

– Нет, – машет та рукой, – я в Мурманске остаюсь работать.

– А куда съезжаете? – любопытствует женщина.

– Мне комнату дают, – врет Валя, чтобы не объяснять женщине в кителе необычайное гостеприимство Зинаиды Петровны, – в общежитии.

– Вот и хорошо, – кивает женщина. – Стало быть, все устроилось.

– Ага, устроилось, – вздыхает Валя.

Глава 7

Первый день на работе преподносит Вале сюрприз. Ровно в половине девятого утра она входит в приемную Натана Ефимовича, но та оказывается пуста. Валя некоторое время стоит в нерешительности, а потом заглядывает в кабинет за обитой дерматином дверью. Натан Ефимович сидит за столом, погруженный в чтение каких-то бумаг. Он поднимает на Валю глаза и обрадованно машет ей рукой:

– Заходите, заходите. У меня чаек есть. Садитесь. Чаек будете?

Отказавшись от чая, Валя присаживается на краешек стула в углу кабинета. От такой приветливости начальника ей неловко и хочется поскорее приступить к работе. На стройке наверняка все окажется проще. Там, по крайней мере, от нее будет какая-то польза.

– Итак, о работе, – словно спохватившись, обращается Натан Ефимович к Вале, когда допивает наконец свой чай и заканчивает пролистывать бумаги. – Готовы приступить?

– Угу, – кивает Валя, вскочив со стула.

– Идемте, – Натан Ефимович жестом приглашает ее к двери.

Выйдя вслед за ней в приемную, он обеими руками указывает на заваленный бумагами стол:

– Вот ваше рабочее место. Заметьте, совсем рядом с моим.

Валя непонимающе смотрит на него. Внутри нее закипает чувство негодования: сколько, в конце концов, этот человек будет обращаться с ней, как с маленькой девочкой?

– Ваше рабочее место, – повторяет Натан Ефимович.

– И кем же я буду работать? – со злобой спрашивает Валя.

– Можно сказать, моим первейшим помощником, – словно продолжая подтрунивать над ней, с готовностью сообщает Натан Ефимович.

– Секретаршей? – выпаливает Валя, чувствуя, что вот-вот заплачет.

– Зачем же так унижительно? – фыркает Натан Ефимович.

– Меня же оформили как техника-строителя, – дрожащим от гнева голосом произносит Валя.

– И что с того? – словно не замечая ее раздражения, пожимает плечами Натан Ефимович. – Все правильно. Мне такая помощница и нужна в приемную, чтобы специалист, с квалификацией.

– Я туфли специально без каблука надела, – неожиданно для себя самой выдает Валя. – Чтобы по объекту ходить.

– Ну, это дело поправимое, – радуется Натан Ефимович. – Можем с вами прямо в перерыв отправиться в обувной магазин и подобрать вам туфли на шпильке.

– У меня есть! – огрызается Валя.

– Тогда вопрос решается еще проще, – улыбается Натан Ефимович. – Завтра их и надевайте.

– Но... – Валя тяжело отдувается.

Она не знает, как лучше выразить свое негодование. При общении с Натаном Ефимовичем она почему-то все время теряется. Он словно не воспринимает ее всерьез.

– А куда же делась женщина, с которой я вчера разговаривала? – чувствуя, что вопрос получился каким-то нелепым, интересуется Валя.

– Светлана? – переспрашивает Натан Ефимович. – Вы думаете, я ее убил?

– Нет, причем здесь это? – фыркает Валя.

– Обманом отправил вместо вас в Апатиты? – продолжает ерничать Натан Ефимович.

– И все же? – настаивает Валя.

– Она здесь работала временно, – размеренно, словно отчитываясь перед ней, сообщает Натан Ефимович. – Пока не подыщут постоянного работника.

– И вы подыскали? Меня? – снова фыркает Валя.

– Совершенно верно, – кивает Натан Ефимович и добавляет примирительно: – Вам здесь понравится. Если вы недовольны, что эта должность – как бы тут точнее выразиться? – несколько из сферы обслуживания, то пусть вас это не смущает. Чай, как вы уже, наверное, успели заметить, я себе сам завариваю. А вы будете работать, по сути, моей помощницей.

Валя пытается еще что-то возразить. Даже грозит уехать обратно в Жданов. Но Натан Ефимович и слушать ничего не хочет.

– Над вами все подруги будут смеяться, – бросает он, когда Валя, разъяренная и готовая уже заплакать, направляется к двери. – Съездили называется на Север. На два дня.

От таких слов слезы, навернувшиеся у Вали на глазах, в момент высыхают. Она резко поворачивается и почти шипит:

– А уж это не ваше дело.

– Согласен, не мое, – неожиданно идет на попятную Натан Ефимович. – Оставайтесь. Поработаете здесь месяц-два. Не понравится – отправлю вас на стройку. Но сейчас мне действительно нужна толковая девушка в приемную.

– Толковая? Это слишком! Вы мне льстите, – фыркает Валя.

Гнев ее вдруг куда-то улетучивается.

– Оставайтесь, – повторяет Натан Ефимович.

– Но если... – начинает Валя.

– Если не понравится, я клянусь, тут же, на самый дальний объект, на нулевой цикл, грязь месить, – машет руками Натан Ефимович.

– Ладно, – кивает Валя, и ее первый рабочий день на новом месте начинается.

Работа в приемной оказывается не такой и плохой. Натан Ефимович действительно не заставляет Валу заваривать ему чай. Напротив, угощает ее своим. А работа со сметами и нарядами явно идет ей на пользу. Очень скоро она чувствует, что хитрый строительный механизм становится ей понятным – теперь уже не по учебникам, а в реальном воплощении. В общем, жизнь постепенно налаживается. Стараниями Зинаиды Петровны через неделю Вале выделяют комнату в общежитии. Пожалуй, лучшую на этаже. Она расположена в дальнем конце коридора. Так что Валу не беспокоит шум от постоянных шагов за дверью. Впрочем, она была бы рада любому собственному углу. Очень уж неудобно было стеснять Зинаиду Петровну.

– Ты заходи, Валуша, – напутствует ее завхоз, когда Валя забирает свои вещи. – Не забывай. И по работе обращайся.

– Ладно, – кивает Валя. – Спасибо вам.

Повод обратиться к доброй Зинаиде Петровне появляется раньше, чем Валя могла себе представить. Буквально пару дней спустя она несет в плановый отдел очередную кипу закрытых и завизированных Натаном Ефимовичем нарядов. Выходя за дверь, она слышит за спиной шепот девушек-плановичек.

– Это кто? – спрашивает одна.

– Из приемной, – шепчет другая, – новенькая. Натан на нее глаз положил.

Слова эти словно обжигают Валу. Она тихо закрывает за собой дверь и застывает на месте, не зная, как быть дальше.

– Что они имели в виду? – стучат у нее в голове мысли. – Хотя чего здесь непонятного? Но почему они так обо мне думают? Разве я заслужила такое суждение о себе? Натану Ефимовичу нужна была помощница. Или это был лишь предлог? И только поэтому я не работаю на стройке? Конечно же! Какая же я дура!

Слезы текут у нее по щекам, и она бросается к Зинаиде Петровне.

– Зачем они так? – рыдает Валя на плече у доброго завхоза. – Что я им сделала? Он же сам настоял. Я хотела на стройку. Честно, хотела.

– В любом случае не девчонкам из планового тебя осуждать, – резонно замечает Зинаида Петровна. – Они тоже кирпичи не носят, раствор не месят. А насчет намеков на все прочее – так это они просто завидуют. Чего самим хочется, то в других и видят.

– Что? – Валя поднимает голову и недоверчиво смотрит на Зинаиду Петровну.

– Да какая уж тут тайна? – усмехается та. – Натан Ефимович мужчина интересный, с юмором. И холостой к тому же.

– Холостой? – машинально повторяет Валя. – Я не знала. Вернее, как-то не думала об этом.

– Видишь, тебе не надо, ты и не интересуешься, – снова усмехается Зинаида Петровна. – А в плановом у девушек совсем другие планы. И на твоего Натана Ефимовича, в частности. Только их много таких, а он один. Вот они и злятся.

Глава 8

Проходит месяц. Валя окончательно обживаетеся на новом месте. И Мурманск уже кажется ей почти родным. Да и новая работа не представляется теперь столь незначительной, как в первый день, когда Натан Ефимович упрашивал ее не идти на стройку. Ей нравится звонить в отделы и требовательным голосом сообщать:

– Это из приемной Натана Ефимовича. Да. Он просит вас срочно подойти. И захватите смету на двадцать пятый. Что? Естественно, за последний месяц. Неужели и это вам надо объяснять?

Уже со второго дня работы Валя переобувается в туфли на шпильке, но Натан Ефимович не забывает о своем предложении. Как-то после работы он почти насильно ведет ее в обувной магазин, где выбирает для нее самую модную и дорогущую пару. Поход в магазин с начальником Валя с трудом, но выдерживает. Когда же Натан Ефимович идет к кассе, чтобы расплатиться за обновку, ее терпение лопается.

– Что вы делаете? – возмущается она. – Зачем? Я сама заплачу!

Натан Ефимович отшучивается и улыбается стоящим рядом с ними покупателям и продавцам, которые смотрят на разыгрывающуюся перед ними сцену все с большим изумлением. Вечер пятницы, и народа в магазине много.

– Капризы, капризы, – натянуто хмыкает Натан Ефимович, крепко сжимая Валино предплечье, – ох уж эти женские капризы. Ничем не угодишь. А я все равно их тебе куплю, дорогая.

При слове «дорогая» у Вали перехватывает дыхание. Она бросает на Натана Ефимовича полный ненависти взгляд и, вырвав у него руку, выскакивает прочь из магазина. Он догоняет ее на углу и почти насильно сует в руки коробку с туфлями. Валины уши горят от стыда и гнева, она что-то доказывает ему, возмущается, но Натан Ефимович и слушать ничего не хочет.

– Что вы себе позволяете? – бормочет обессиленная Валя. – Я вам отдам деньги за туфли.

– Ни в коем случае, – парирует Натан Ефимович. – Это мой долг. Именно я затащил вас работать в офис. Для вас шпилька практически спецодежда. Где вы видели, чтобы робу за свой счет покупали?

– Что вы все отшучиваетесь? Я что вам – маленькая? – выдавливает Валя, задыхаясь от чувства собственного бессилия, и, не выдержав, почти выкрикивает: – В плановом и так болтают невесть что!

– Что болтают в плановом? – с готовностью интересуется Натан Ефимович, который рад сменить тему злополучных туфель.

– Гадости разные, – шипит Валя.

– Какие? – настаивает Натан Ефимович.

– Да неважно, – отмахивается Валя.

– И все же? – не отстает ее спутник.

– Не ваше дело, – огрызается Валя.

– Раз уж вы заговорили об этом – значит, мое, – резонно замечает Натан Ефимович.

– Болтают, что вы на меня глаз положили! – выпаливает Валя и сама пугается своей смелости.

Она ожидает возмущение начальника и уже готова извиниться. Но Натан Ефимович воспринимает кажущуюся Вале верхов откровения фразу весьма спокойно.

– Вот уж удивили Москву селедкой, – хмыкает он. – Я и не скрываю.

– Что? – Валя пристально смотрит на Натана Ефимовича, думая, что он, как обычно, над ней подтрунивает.

– А что здесь такого? – вполне серьезно произносит Натан Ефимович, переходя на «ты». – Ты девушка симпатичная. А мне южанки всегда нравились. Что уж тут поделаешь?

– Ох, – только и может выдохнуть Валя.
– Что «ох»? – усмехается Натан Ефимович. – Может, нам, правда, на «ты» перейти?
– Зря я вам все это рассказала, – с отчаянием выдыхает Валя.
– Что рассказала? – хмыкает Натан Ефимович.
– Про плановый, – мрачно уточняет Валя. – Стыд какой. Словно сама навязалась.
– Навязалась? – всплескивает руками Натан Ефимович и оглядывается вокруг, как будто ища поддержки у прохожих. – Да я за тобой, можно сказать, увиваюсь уже второй месяц! А она – «навязалась»!

Сжав кулаки, Валя набирает в легкие воздух. Но, так ничего и не сказав, лишь бросает на Натана Ефимовича укоризненный взгляд и убегает прочь вместе с туфлями раздора.

Пятничный вечер завершается примеркой обновки, прерываемой слезами и шмыганьем носа. В понедельник Натан Ефимович, не заходя на службу, уезжает в командировку в Москву. Так что Валина казнь откладывается. Сама она всю неделю со страхом ждет возвращения начальника. Она ненавидит его, еще больше ненавидит себя и мысленно подбирает слова, которыми потребует у него обещанного перевода на стройку.

Главное – постараться избежать истерик и слез. Слез особенно. Она уйдет отсюда достойно. Ей не в чем себя упрекнуть. Она не давала ему никакого повода. А девчонки в плановом просто сплетницы. Даже не так: не просто сплетницы. Правильно сказала Зинаида Петровна: им завидно, потому что они хотели бы быть на ее, Валином месте. Впрочем, это не повод для нее вести себя так же. Утром в понедельник она зайдет в кабинет к Натану Ефимовичу и потребует перевода. И не будет реагировать ни на какие его шуточки. Она взрослая женщина, специалист. Она не позволит так с собой обращаться. Она приехала на Севере не затем, чтобы крутить романы с начальством. У нее, в конце концов, есть парень в Жданове.

Вспомнив о Пашке, Валя мысленно спотыкается. Есть ли у нее этот самый парень? Не пишет ведь ничего. Наверное, забыл. Был бы он настойчив, как Натан Ефимович, может, она и не поехала бы ни в какой Мурманск. Впрочем, Валя тут же себя одергивает: равнодушные Пашки не повод для Натана Ефимовича расставлять свои сети. Она ему скажет, все скажет – жестко и однозначно. В понедельник утром.

Но все выходит не так. Натан Ефимович неожиданно появляется в главке в пятницу вечером. Очевидно, прямо с поезда. Валя рассортировывает бумаги. Уже шестой час. Но августовское солнце ярко светит в огромное окно приемной. Увидев Натана Ефимовича, Валя вздрагивает и съеживается. Она не готова проявить свою жесткость прямо сейчас, на три дня раньше предполагаемой даты.

Впрочем, Натан Ефимович тоже выглядит смущенным. Он молча ставит в вазу на подоконнике огромный букет каких-то желтых цветов.

– Я воды наберу, – бормочет Валя машинально. – В сухой завянут за выходные.

– Это тебе, – сообщает Натан Ефимович. – Домой заберешь.

– Добавлю к стоимости туфель, – брякает Валя, чувствуя, что получилось как-то грубо.

Но Натан Ефимович обходится без своих обычных подтруниваний. Он молча смотрит на нее и лишь иронично качает головой. Валя нарочито зарывается в разложенные на столе бумаги. Молчание затягивается, и скоро она чувствует, как щеки ее начинают гореть. Нужно что-то сделать, чтобы снять почти физически ощущаемое в комнате напряжение. Валя уже собирается начать заготовленный, хотя и не доработанный еще до конца строгий разговор о переводе на стройку, когда Натан Ефимович ее опережает.

– Предлагаю сходить завтра в ресторан, – произносит он. – Для примирения.

Валя вскидывает на него измученный взгляд. Да что же это такое? Он снова сбил ее с толку! Теперь ее заявление о переводе будет выглядеть нелепо и по-детски. Снова женские капризы, скажет он. И будет прав. Сто раз прав. Она не может вести себя с ним достойно. Необходимо это признать.

– Я зайду завтра в шесть, – говорит Натан Ефимович.

– Но, – начинает Валя.

– В шесть, – повторяет Натан Ефимович и добавляет после секундной паузы: – Номер твоей комнаты я помню: сам выписывал ордер на заселение.

Затем он несколько поспешно, как кажется Вале, выходит из приемной в коридор.

– А как же иначе? Чего я хотела? – со злобой к самой себе думает Валя, ворочаясь ночью в кровати. – Я всего полтора месяца здесь работаю и уже получаю больше, чем на стройке. И комнату мне выделили. За красивые глаза, что ли? Вернее, да, за них как раз и выделили. Наверное. Даже наверняка. А вовсе не потому, что я ценный специалист, которому песок месить на объекте не позволят. Тут совсем другая причина. Как они там сказали: «Натан на нее глаз положил»? Теперь надо расплачиваться. Впрочем, не это главное. А что? А то, что, допустим, перейду я сейчас на эту самую стройку. И что дальше? Кому я сделаю хуже, кроме себя? Девчонкам из планового? Они-то как раз будут рады. Они только этого и ждут. А что касается разговоров и гнусных намеков, то их только прибавится. Про то, что было и про то, чего не было. Впрочем, и это, конечно, не главное. Не в пику же завистницам-плановичкам начинать крутить роман? Бред какой-то. А что же главное?

Валя никак не может поймать суть кружащихся в ее голове мыслей. Внезапно ответ становится для нее очевидным. Самый простой и нежелательный для нее ответ. Она гнала его прочь, потому что не хотела признавать то, что не встраивалось в ее планы на жизнь.

– Он мне симпатичен, – выдыхает Валя. – Даже более чем.

Когда на следующий день Натан Ефимович, как и грозился, ровно в шесть часов появляется у нее на пороге, Валя встречает его в лучшем своем платье с глубоким вырезом и новых туфлях на высоченной шпильке.

– Ух ты! – только и может сказать Натан Ефимович.

– Что, теперь самому страшно? – фыркает Валя, почувствовав свою власть.

– Пожалуй, – усмехается Натан Ефимович. – Идем?

Он ведет ее в самый модный в городе ресторан. По крайней мере, так ей потом завистливо сообщают знакомые девчонки из общежития. После ресторана Натан Ефимович ожидаемо предлагает Вале пойти к нему домой. И она не отказывается.

Глава 9

Жизнь превращается для Вали в весьма комфортное существование. Скоро она почти перестает появляться в своей комнате в общежитии, переселившись к Натану Ефимовичу в его большую квартиру в самом центре города, возле площади Пять Углов. Квартира, надо сказать, оказывается воистину холостяцкой – бездумно обставленной и запущенной. Но эти огрехи прежней Натановой жизни Валя быстро исправляет. В спальне появляются огромная кровать и столь же чудовищных размеров шифоньер.

– В нем жить можно, – высказывается о шифоньере Натан. – Чем заполнить такой объем?

Валя воспринимает его иронию в качестве руководства к действию. За пару месяцев она плотно забивает шифоньер обновами. И то сказать: не в обносках же ей ходить. Она на людях работает.

Стоит ли говорить, что висевшие на вбитых прямо в оконные рамы гвоздях шторы-тряпочки заменены гардинами на карнизах. Разительные перемены касаются и других уголков квартиры. Натан радуется уюту и денег не жалеет.

– Квартира должна быть тебе страшно благодарна за такую заботу, – повторяет он всякий раз, когда Валя обзаводится новым предметом мебели, очередной вазочкой или шторой.

– А ты? – огрызается она.

– Отчасти да, – отшучивается Натан.

– От какой части? – притворно злится Валя.

Натан продолжает ерничать дальше, но Валя уже не слушает его. Она теперь не боится начальника, и его ирония больше ее не смущает. Валя просто позволяет Натану шутить, не более того.

– Чем бы дитя ни тешилось, – думает она, снисходительно поглядывая на мужчину, который еще недавно внушал ей страх.

На работе она тоже начинает чувствовать себя хозяйкой.

– Есть что-то в разнос, Валентина Николаевна? – всякий раз по имени и отчеству обращается к ней шупленькая девчушка-курьер Наташа Неверова, забегая в приемную.

Стоит ли говорить, что никто уже не шепчется у Вали за спиной? А чего шептаться, когда и так все понятно? Девицы из планового отдела смирились со своим поражением и теперь относятся к Вале с подчеркнутым уважением. Впрочем, подобное обращение Валя воспитывает в них ежедневными тренировками.

– Светочка, – строго говорит она блондинке с пухлыми губами, той самой, что опрометчиво громко произнесла тогда «Натан на нее глаз положил», – Светочка, тебе надо по три раза объяснять, как следует оформлять сметы? Кто это должен делать? Я? Это, между прочим, в мои обязанности не входит. Может быть, Натан Ефимович лично? Вам, девчата, здесь зарплату платят не за то, чтобы вы маникюр делали и чай гоняли. А если кого-то что-то не устраивает, то всегда есть места на стройке. Там живая работа. Милости, как говорится, просим.

– Валентина Николаевна, – бормочет блондинка, – я сейчас исправлю. В перерыв.

– И ровно в два – на стол к Натану Ефимовичу! – победно вскинув голову, заявляет Валя. – Будешь знать, как сплетни разводить!

Последнюю фразу она произносит про себя, покидая плановый отдел с видом полководца, выигравшего сражение. Закрыв за собой дверь, она задерживается на несколько секунд и прислушивается. Но в комнате царит тишина, нарушаемая лишь тихим шелестом бумаг на столах плановичек.

– Вот так, – хмыкает Валя и гордо продолжает свой путь в приемную.

Фаворитка! Это слово, вычитанное в детстве в одном из французских романов, часто вспоминается ей теперь. Да и бог с ним. В конце концов, как-то все сложилось в ее жизни.

Именно это говорит ей Зинаида Петровна:

– Все у тебя, Валя, сложилось. Только этого ли ты хотела?

– Да ладно, Зинаида Петровна, – отмахивается Валя. – Жизнь – штука сложная, как-нибудь вывезет.

– Это конечно, это правильно, – кивает добрая Зинаида Петровна, сама уже, очевидно, недовольная тем, что поставила под сомнение Валькино счастье.

Счастье это тем временем бьет ключом. На Новый год Валя с Натаном едут в Ленинград, где у Натана стоит забронированная квартира.

– Досталась от родителей, – небрежно поясняет он.

– А ты достался мне, – хмыкает Валя и чмокает мужчину в бритую до синевы щеку.

Зимний Ленинград производит на Валу неизгладимое впечатление. И она твердо решает со временем перебраться сюда. Для этого Натану, как она выясняет, надо отработать еще три или четыре года в Мурманске. Чтобы заработать северную пенсию и еще что-то там, во что Валя не особо вникает. Три или четыре года можно потерпеть. Это ее вполне устраивает.

Летом, заработав первый северный отпуск, Валя хочет съездить домой, навестить тетю Полю. Но Натан везет ее в санаторий в Сочи. Помпезные корпуса здравницы стоят в старом парке, спускающемся прямо к морю. Санаторий принадлежит союзному Минстрою. Здесь отдыхают начальники с семьями. Валя не хочет сводить знакомства с толстыми пожилыми тетками, говорящими исключительно о работе своих мужей, и почти все время проводит на пляже. Натан не возражает и охотно составляет ей компанию.

– Не обижайся на начальственных жен, – утешает он Валу. – Они всю жизнь сидят дома, скучают и деградируют.

– То ли дело – любовницы! – огрызается Валя. – Они целый день на работе, под боком, в приемной, им скучать некогда.

– Ты чем-то недовольна? Это так понимать? – неожиданно жестко реагирует на ее выпад Натан.

– Да понимай, как хочешь, – фыркает Валя.

Глава 10

Снова наступает зима. Роскошная квартира в центре города, заискивания девчонок в тресте и бесконечные обмены уже не радуют Валую. Ей хочется большего: определенности в отношениях, свадьбы, в конце концов. Она представляет, как приедет следующим летом с Натаном к тете Поле. И что она ей скажет? Как представит своего спутника? Да и не поедет Натан в Жданов. Зачем ему жить в одной квартире с тетей Полей? Опять потащит ее в санаторий. И ладно бы с ним, с этим санаторием, не в санатории дело, а в том, что в их совместной жизни появилась напряженность. Валя стала раздражительной, часто срывается по пустякам в истерику. Натан старается ее успокоить. Но становится только хуже и хуже.

– Ты чем-то недовольна? – спрашивает он ее.

В его голосе не чувствуется прежней иронии. В нем звучит беспокойство, озабоченность и стремление все исправить. Валя плачет у него на плече, извиняется за свое поведение, но никак не может сказать правду. Но Натан наверняка и сам догадывается о причинах происходящего.

Перед самым Новым годом они идут в театр. В областной драме дают оперу столичные гастролеры. Полный аншлаг. Но Натану удается достать два билетика в партер. Несколько дней перед спектаклем он ходил загадочный. А когда они начинают собираться на спектакль, Валя с удивлением замечает, что его руки слегка дрожат, когда он завязывает галстук, отчего правильный узел никак не выходит.

– Я помогу, – предлагает она, но Натан в ответ только нервно хмыкает и продолжает борьбу с галстуком.

– Как хочешь, – фыркает Валя, внезапно почувствовав, как что-то дрогнуло у нее в груди.

Почти карнавальная снежная зима, опера, разнервничавшийся мужчина. Ей кажется, что этим вечером что-то должно произойти. Валя едет в театр вся на нервах. Собственно говоря, до театра десять минут пешком. Но за ними приходит трестовская машина. Всю недолгую дорогу Валя сидит, как на иголках. Теперь она уже почти уверена, что после спектакля Натан сделает ей предложение.

Валя в опере второй раз. Спектакль производит на нее странное впечатление. Гастролеры привезли в Мурманск «Молодую гвардию». И эта опера совсем не похожа на ту, что они с Натаном слушали прошлой зимой в Ленинграде. Там все пели по-итальянски, а на сцене кипели невероятные страсти. Здесь же толстоватый немолодой мужчина неподходящим ему высоким голосом отчаянно выводит по-русски:

– Стреляй, Олег!

– Патронов нет! – отвечает ему другой певец.

– Цемент-то им хоть завезли? – слышится веселый шепот позади Вали, и по рядам пробегает легкий смешок.

Спектакль идет тяжело. У Вали начинает болеть голова. Ей хочется вернуться домой и прилечь. Она уже совсем собирается уйти в антракте, но вновь думает о том, что Натан, очевидно, сделает ей сегодня предложение, а потому остается и терпит спектакль до конца. Отстояв очередь в гардеробе, они одеваются и выходят на улицу. Звуки назойливой оперы звучат у Вали в голове. Они идут домой пешком. Валя ждет от своего спутника тех самых слов. Но Натан мрачно молчит.

– Что ты все хмуришься? – не выдерживает Валя.

– Устал, – бурчит Натан. – На будущей неделе приемная комиссия приезжает. А у нас одни недоделки.

У Вали как будто выбивают почву из-под ног. Ничего не будет! Никакого предложения. Он просто нервничает из-за работы.

- Дурацкий спектакль, – замечает Натан устало. – Еле вытерпел.
- А меня? – внезапно заводится Валя.
- Что «тебя»? – не понимает Натан.
- Тоже еле терпишь? – шипит Валя.
- К чему ты это? – раздражается Натан.

Если бы он хотя бы добавил «дорогая», Валя, наверное, сдержала бы свою обиду. Но Натан просто сказал: «К чему ты это?» Сказал отстраненно, словно разговаривал с чужим человеком.

- К чему? – взвизгивает Валя так, что прохожие оглядываются. – Да все к тому же!
- Могла бы меня поддержать, – злобно замечает Натан. – Вместо того чтобы визжать на улице.
- Поддержать? Визжать? – взвывается Валя. – Да мне осточертели твои проблемы, твои шутки и твои идиотские спектакли.

Она сама не ожидала в себе подобной злобы и уже готова извиниться, когда Натан неожиданно произносит:

- Не буду скрывать, меня тоже в последнее время стали тяготить наши отношения. Я не хотел этого пока говорить. Но коли уж ты сама начала. В общем, я считаю, что, возможно, их нет смысла продолжать.
- Что? – задыхается Валя.
- Нет, конечно, я не говорю, что ты должна уйти сегодня же, – продолжает Натан. – Но в стратегическом плане, наверное, будет лучше, если мы расстанемся.
- Хорошо, – бормочет Валя, изо всех сил стараясь сдержать слезы. – Только зачем нам «стратегические планы»? Давай, прямо сейчас. К чему тянуть?
- Прости, – сухо говорит Натан.
- Это ты меня прости, – перебивает его Валя. – За то, что слишком хорошо о тебе думала.
- Я все понимаю, – начинает Натан.
- Я тоже, – фыркает Валя. – Ты так много для меня сделал. Пора и честь знать. Прощай.

И, пожалуйста, не надо меня останавливать.

Выпалив все это на одном дыхании, она поворачивается и бросается прочь. Она думает, что Натан бросится ее догонять. Но он этого не делает. Лишь у дверей общежития Валя сообщает, что у нее нет с собой ключей от комнаты.

– Я из триста двадцать первой, вы же меня знаете, можно мне ваш ключ – комнату открыть, а то я свой дома забыла, – почти умоляюще обращается она к дежурной на первом этаже. – Забыла ключ, – повторяет она, поняв, что слово «дома» прозвучало в данной ситуации как-то нелепо.

- Что-то взять хотите? – уважительно интересуется дежурная.

Неужели она тоже знает об их отношениях с Натаном? Отсюда и такое почтение. Как же все это гадко! И как она всего этого не замечала раньше.

- Взять? – бормочет Валя. – Нет, я ночевать буду.

Дежурная удивленно вскидывает бровь, но, ничего не сказав, протягивает Вале ключ.

- Я сейчас пойду, открою и ключ тут же вам верну, – обещает Валя.

- Не надо, – отвечает дежурная. – Когда свой ключ найдете, тогда и вернете.

– Хорошо, – радуется Валя и, вновь почувствовав непреодолимую усталость, бредет на свой третий этаж.

Глава 11

На следующий день Вале приходится идти на службу. Их общение с Натаном сводится к необходимому по работе минимуму. Лишь после обеда Валя набирается смелости, заходит в кабинет к Натану и отдает ему ключи от его квартиры.

– Зачем прямо сейчас? – возражает Натан. – Тебе надо вещи забрать.

– Вещи? – шипит Валя. – Оставь себе. Мне от тебя ничего не надо.

– Мне твои юбки не подойдут, – хмыкает Натан, но ключи берет.

– А мне верни ключ от моей комнаты, – словно не слыша его, заявляет Валя.

Натан кивает. В тот же вечер он привозит ей в общежитие все ее пожитки, а заодно и ключ. Валя сухо благодарит его, а он лишь неопределенно разводит руками, как будто говоря:

– Ну что ж я могу поделаться, если ты так решила.

– Мужская привычка, – злобно думает Валя, – обставить все так, чтобы женщина была виновата. словно это не он, а она его бросила.

Почти с ненавистью посмотрев на Натана, она злобно заявляет:

– Чайку?

Натан отказывается и поспешно уходит.

– Попробовал бы он не отказаться! – думает Валя, закрывая за ним дверь. – Кровь бы пролилась, ей богу!

Отношения закончились, но жизнь продолжается. Работа превращается для Вали в настоящий ад. Она не знает, как себя вести, постоянно нервничает и боится, что сорвется на людях. Продолжающиеся заискивания девчонок-плановичек заставляют ее внутренне содрогаться. Когда они узнают о ее падении с пьедестала, их месть будет ужасна.

В последующий месяц Валя передумывает столько мыслей, что хватило бы, наверное, на всю жизнь. И основной вопрос, который она раз за разом себе задает, сводился к следующему:

– Может быть, она погорячилась? Сама все придумала в тот вечер, неправильно истолковала нервозность Натана, и сама же обиделась. Он просто повел ее в театр. У него были проблемы на работе. Он нервничал. Она вспыхнула. Возможно, зря?

Валя понимает, что при ее характере извинения дадутся ей очень тяжело. И после всего, что произошло за последние недели, они будут выглядеть унижительными и неприличными. Валу терзают сомнения. Но она уже почти готова пойти на попятную, когда вдруг замечает, как к Натану в кабинет все чаще заходит кассирша Люба. Вместо прилива злобы Валя чувствует неожиданное облегчение, словно тяжелое бремя свалилось с ее плеч. Она понимает, что все сделала правильно. Не было бы никакого предложения. Ни в тот вечер, ни в какой другой. Никогда бы не было. И Натан все равно бы ее бросил. Он лишь искал предлога, который она ему и дала.

– Все к лучшему, – решает Валя. – Не для того я ехала на край света, чтобы сидеть в приемной и сторожить от нападков конкуренток дряхлеющего сожителя.

В тот же день она пишет на имя управляющего трестом заявление с просьбой перевести ее мастером на стройку. Заявление спускают Натану. Тот вызывает Валу к себе, смотрит на нее и бормочет:

– Может, останешься в конторе? Я тебе место подберу.

– А что, – огрызается Валя, прямо глядя ему в глаза, – есть еще неразобранные престарелые холостяки кроме тебя?

– Зачем ты так, – бурчит Натан и аккуратненьким, почти женским своим почерком выводит в углу заявления фразу «не возражаю».

С этим заявлением Валя отправляется в отдел кадров, где ее встречают с распростертыми объятиями.

– Мастеров катастрофически не хватает, – радостно сообщает кадровик, потирая от удовольствия руки. – Прекрасно, Валентина Николаевна, что вы решили перейти на производство. Нечего штаны, простите, юбку протирать по приемным. Вы строитель, а не секретарша.

– Это точно, – мрачно произносит Валя.

– К лучшему прорабу вас направим. Мужики там хорошие, план перевыполняют, премии получают. Так что в накладе не останетесь, – продолжает кадровик. – Будете строить новый микрорайон города.

Глава 12

На стройке к Вале поначалу относятся с легким пренебрежением. Прораб с мрачной фамилией Погребельный называет ее не иначе, как «девушка», а представляя бригадирам, шутливо грозит им пальцем:

– Вы уж ее слушайтесь!

– Нам чего, нам – как скажут, – фыркают мужики, – не обидим.

Валя до крови прикусывает губу, но сдерживается. Поначалу она решает, что насмешки – следствие ее падения с поста фаворитки. Ей стыдно, и она считает такое отношение к себе оправданным. Даже откликается на прилипшее к ней с подачи прораба прозвище «девушка».

– Так мне и надо, заслужила, – грызет она себя.

Впрочем, вскоре Валя соображает, что мужики на стройплощадке вряд ли знают интриги конторской жизни. А даже если и знают, то наверняка не придают им никакого значения. Их больше интересует своевременный подвоз песка, цемента (она вспоминает треклятую оперу), панелей и лестничных пролетов.

Поняв это, Валя приходит в ярость. Да как они смеют? Она им не девушка, она – дипломированный специалист. Она приехала сюда работать, строить жилье или что там еще нужно стране. Валя вспоминает об укромности девчонок-плановичек. Этот опыт приходится теперь весьма кстати. При общении с бригадами Валя добавляет в тон металла. А всякий раз, когда ее называют девушкой, она, переходя почти на шепот, объясняет очередному озадаченному мужику его задачи и обязанности. В результате ее начинают называть не девушкой, а другим словом, не обидным разве что в кинологии. Но называют уже, правда, за глаза. Так что Валя обводит покоренную стройку взглядом победительницы и строит планы усмирения прораба.

Погребельный остается единственным человеком, который продолжает подшучивать над Вале, не воспринимая ее всерьез. Однако повод поставить прораба на место вскоре представляется. Заработки на стройке действительно большие. Бригады, ведомые Погребельным, исправно закрывают наряды с перевыполнением, а значит, получают процентовки, квартальные и прочие премии. При обычном строительном бардаке это кажется чудом. Но Валя довольно быстро раскрывает механизм подобного благополучия. А раскрыв, содрогается.

Наряды закрываются на освоенные средства, куда закладываются рассчитываемая по нормативам стоимость произведенных работ и цена самих стройматериалов. Манипулировать этими ресурсами надо весьма осторожно. На одном доме идет монтаж стеновых панелей, на другом ведутся отделочные работы. В первом случае цена железобетона позволяет перекрыть все показатели. А вот кропотливые отделочные работы обходятся по нарядам в сущие копейки. Так что, как правило, внутри подрядной организации стоимость основных конструкций разбрасывается по всем объектам более или менее равномерно. Чтобы во время отделочных работ не сесть в лужу.

Прораб Погребельный, однако, идет другим путем. Весь железобетон – панели, лестничные пролеты, межэтажные перекрытия нещадно забиваются в наряды. Причем даже с опережением реальных сроков монтажа. План освоения средств зашкаливает. Чем это грозит в дальнейшем, понять нетрудно. Именно это на повышенных тонах Валя и высказывает Погребельному.

– Что же вы делаете, Петр Самсонович? – возмущается она. – У вас все стеновые панели на объектах уже закрыты нарядами. К весне пять домов выйдут на отделку. Вы чем будете закрываться? Штукатуркой и побелкой?

– Не твое дело, пигалица, – рявкает прораб. – Ты свою каракулю поставь на бланке. С тебя больше никто ничего не требует.

– Нет уж, товарищ Погребельный, – побледнев от ярости, ледяным тоном продолжает Валя, – это как раз мое дело как мастера. И я вам не пигалица. И с меня надо требовать. Потому что я – специалист-строитель. С меня мой профессиональный долг требует. И я такие наряды не закрою. У вас плиты на стройке лежат в штабелях, а вы их по бумагам уже все установили. Чтобы план сделать на двести процентов.

– Не тебе меня учить, – огрызается прораб, – подписывай наряды.

– Нет, – мотает головой Валя.

– Так, – цедит сквозь зубы Погребельный и, злобно обведя взглядом толкущихся вокруг бригадиров, добавляет: – А ну-ка, вышли все из прорабской. Оставьте нас с девушкой потолковать с глазу на глаз.

Мужики, кто со смешком, а кто и с сочувственным вздохом, выходят из комнаты. Валя съезживается, ожидая криков и ругани прораба. Однако Погребельный решает сменить тактику.

– Девонька моя, – почти ласково обращается он к Вале, – есть теория, а есть реальная жизнь. И в этой жизни не все идет согласно теории. Тебя учили одному, правильно учили, хорошо. И ты это запомнила. Но людям нужны заработки. И все плиты мы поставим, и всю штукатурку положим. Всему свой срок.

– Железобетон надо попридержать в нарядах. Иначе на стадии отделочных работ нам нечем будет их закрывать, – упрямо повторяет Валя.

– Почему нечем? – поглядев на нее снисходительно, качает головой прораб. – Будут другие объекты, новые. С них закроемся.

– А дальше? – бурчит Валя. – Конец этому порочному кругу когда-нибудь будет?

– Когда-нибудь будет, – философски замечает прораб. – Когда-нибудь и Земля упадет на Солнце. У всего есть конец. А пока мне надо своих работяг кормить. Так что ты подпиши наряды, будь умницей.

– Не подпишу, – мотает головой Валя.

Глаза прораба темнеют от злобы, но, сдержав гнев, он продолжает:

– Я все понимаю. Ты принципиальная. Это хорошо, действуешь по правилам, как учили. Здорово это. Но ты сначала подрасти, наберись опыта. Потом будешь меня учить. А пока не лезь не в свое дело, не порти мне показатели. Ты вот говоришь, что ты – мастер, твое дело во всем разбираться. Ладно. Но тогда ты и ответственность свою должна чувствовать. За тех людей, что у тебя под началом работают. А у них семьи, им заработки нужны. Почему ты о них-то не думаешь?

– Петр Самсонович, – опустив голову, чтобы не смотреть на раздраженного прораба, бормочет Валя, – я о них думаю. И мы закроем наряды ровно на уровне реальных объемов. И ни копейкой больше. Потому что никаких приписок нам не надо. И то, что вы делаете, в конечном счете будет хуже для всех.

– Значит, не подпишешь? – рявкает Погребельный, устав от политесов.

– Нет, – отрезает Валя и вжимает голову в плечи, ожидая криков прораба.

Но прораб неожиданно успокаивается. Он вздыхает, садится на стул и, утерев рукой выступившие на лбу капельки пота, тихо говорит:

– Ладно. Твое дело. Только не думай, что в тресте ничего обо всем этом не знают. Я твою принципиальность на себе тянуть не стану. Будешь сама с начальством разбираться.

Валя в ответ угрюмо кивает.

– Так не подпишешь? – делает последнюю попытку Погребельный.

– Нет, – подтверждает Валя.

– Как угодно, – сухо произносит Погребельный. – Не смею больше задерживать. Будем разбираться в другом составе.

На следующий день разбираться с мятежным мастером приезжает лично Натан Ефимович. Погребельный вызывает Валу к себе, не предупредив о госте, чтобы усилить драматиче-

ский эффект. Но ожидаемого испуга в глазах предполагаемой жертвы он не видит. Более того, хоть и не силен прораб в анализе психологических тонкостей, но даже он замечает, что гораздо более смущенным, чем Валя, выглядит заместитель управляющего трестом. Разочарованный Погребельный лишь устало машет рукой в сторону Вали и цедит:

– Ну вот, Натан Ефимович, наша декабристка. Что делать – ума не приложу.

Натан уже, конечно, в курсе всего скандала с нарядами. Очевидно и то, что весь этот не совсем законный механизм не является для него новостью. Зябко потирая руки, Натан, косясь куда-то в сторону, объясняет Вале примерно то же, что за день до этого пытался втолковать Погребельный. Но Валя стоит на своем. И разговор постепенно переходит на повышенные тона.

– Валентина Николаевна, – взвизгивает, в конце концов, Натан, – вы нам предлагаете перестроить всю систему ведения работ?

– Нет, – огрызается Валя и нечаянно переходит на «ты», – я тебе ничего не предлагаю. Я настаиваю, чтобы наряды закрывались с учетом сохранения равномерности выполнения работ.

– Вот как! – выдыхает Натан. – Учить меня будешь?

– Я тебя не учу, – шипит Валя, – я требую. И лучше тебе со мной не спорить, Натан!

Прораб Погребельный, уже ничего не понимая, почти со страхом посматривает на разгорячившуюся Валу. Натан между тем выглядит смущенным. Он хочет что-то возразить своей собеседнице, но сдерживается и лишь с шумом выдыхает воздух.

– Слушай, Самсоныч, – поворачивается он к прорабу, – если откровенно, то она ведь права. И ты это знаешь, и я.

– Дык, – неопределенно разводит руками Погребельный. – Теория она всегда с практикой расходится.

– Черт бы побрал всю эту практику, – бурчит Натан. – Ладно, – он смотрит на Валу, – пусть будет так, как вы говорите, Валентина Николаевна.

– По теории? – уточняет, не веря собственным ушам, Погребельный.

– По теории, – кивает Натан.

– Хорошо, – разводит прораб руками. – Как скажете, Натан Ефимович.

– Я могу идти? – интересуется Валя.

– Угу, – кивает Натан.

– В коридоре подожди, – добавляет Погребельный. – Мы сейчас с Натаном Ефимовичем разговор закончим, потом будем с тобой наряды закрывать. По теории, как ты хотела.

Натан выходит от прораба минут через пять и, даже не взглянув на Валу, выскакивает по коридору на улицу. Валя выжидает еще несколько секунд и, постучавшись, приоткрывает дверь в прорабскую:

– Можно?

– Да тебе теперь и стучать не надо, Валентина, – хмыкает Погребельный. – Ногой дверь открывай и заходи, когда надо. Эка ты Ефимыча уделала. Чистый нокаут. Садись, будем с нарядами разбираться. Настояла на своем – теперь помогай мне теорию-то осваивать. Революционерка.

Глава 13

С этого момента прораб Погребельный начинает уважать Валю за ее принципиальность и смелость. Особенно его поражает тон, с которым она разговаривала с Натаном Ефимовичем, несколько раз сорвавшись на «ты». Погребельный прямо заявляет ей об этом. В глазах прораба блестит что-то похожее на восхищение. Валя, конечно, понимает, что Петр Самсонович не знает всех нюансов ее предыдущих отношений с Натаном, но не считает нужным посвящать прораба в подобные тонкости. К чему? Должны же быть на стройке свои герои? Скромно потупившись, она лишь говорит, что тут, мол, дело принципа, а в таких вещах не до политесов. Прораб снова блестит глазами и произнес единственное слово:

– Мужик!

Так из девушки Валя в одночасье превращается в мужика. Усмиренные бригады и восхищенный прораб позволяют ей утвердиться на стройке. Теперь она вышагивает по объектам с гордо задранной головой. А к лету доходит уже до полного форса, надев обувь на шпильке. Со злобной усмешкой она выбирает именно те дорожные туфли, которые подарил ей в свое время Натан. Ходить в них по графию, обдирая каблуки об острые краешки камней, доставляет Вале почти физическое удовольствие. Ей снова припоминается уже полузабытое слово «фаворитка». Но теперь она всего добилась сама. Хотя, как ни смешно, опять же, не без помощи все того же Натана. Впрочем, сам Натан об этом, естественно, и не догадывается.

Рабочие одобрительно смотрят Вале вслед, бригады издали приветливо кричат:

– Здорово, Николаевна!

А шоферы заезжих самосвалов, подвозящие на стройку материалы, только рты раскрывают, увидев ее в каске и на шпильках. Впрочем, Валя не позволяет им долго разглядывать подобную красоту.

– Накладные давайте мне, – командует она, – разгружаться вон туда, к бытовкам.

– Ага, – растерянно кивают шоферы, а Валя, вскинув подбородок, уже идет дальше – руководить и организовывать.

Прораб Погребельный настолько проникается к ней уважением, что, надев парадный костюм в полоску и побегав в тресте по нужным кабинетам, добивается для нее комнаты в коммуналке. Это уже самое настоящее жилье, не общага.

Узнав о стараниях прораба, Валя бросается к Погребельному на шею и целует его в щетинистую щеку.

– Да уж ладно скакать, – бурчит прораб, похлопывая Валю по спине. – Свои люди, чай, не чужие. Строитель строителю – друг, товарищ и брат. На новоселье-то меня пригласишь?

– Приглашу! А как же иначе? – прыгает Валя от радости. – И вас приглашу, Петр Самсонович, и бригадиров наших, и ребят. Всех приглашу!

– Ну и хорошо, – снова бурчит Погребельный. – Замуж теперь выйдешь.

– Чего? – удивляется Валя.

– Замуж, говорю, выйдешь, – хмыкает прораб. – Я когда комнату тебе выбивал, мне один в тресте нашем сказал: мол, жилье даем только семейным. А я ему и ответил: как же, говорю, человеку семью-то завести в общежитии? Смотрите, говорю, на вещи шире: будет у девушки жилье – она тут же кого-нибудь и найдет. Так ведь?

– Так, именно так, – подхватывает Валя дрогнувшим голосом и снова обнимает прораба за могучую шею.

– На меня не рассчитывай, – хмыкает Погребельный. – Я уже двадцать два срока мотаю со своей благоверной.

– Ой, Петр Самсонович, – хохочет Валя. – Я теперь с собственной комнатой кого угодно заполучу.

Глава 14

Отгуляв новоселье, Валя с головой окунается в коммунальную жизнь, которая, как оказывается, порой она требует от человека невероятных усилий.

– С соседями мне повезло, – бодро отвечает Валя на вопросы любопытных приятельниц. – Люди замечательные!

В реальности это бравурное утверждение справедливо лишь отчасти. Просторная «сталинка» состоит из трех комнат. В одной живет Валя. Другую занимает тихая семья Кузнецовых. Вадим работает на стройке каменщиком. Его жена Лена нянчит грудную дочку. Супруги, хоть и Валины ровесники, относятся к ней с уважением, граничащим с почтением.

– Вы, Валентина Николаевна, если что-то надо по хозяйству, сразу говорите, – не раз увещевает ее Лена. – Полку прибить или еще чем помочь. Вадик все сделает. Без мужчины в доме никак.

Валя благодарит и обещает непременно в случае чего обратиться за помощью. И, надо сказать, порой действительно приходится обращаться. Вадим привешивает Вале карниз над окном и помогает расставить купленную мебель.

Это, если так можно выразиться, светлая сторона коммунальной жизни. На ее темной стороне, в третьей комнате обитает старуха с никому не известным именем. Какое отношение она имеет к строительству, а квартира эта числится за Валиным трестом, тоже остается тайной.

У старухи жидкие волосы, взбитые химзавивкой в почти негритянские кудряшки. Но сквозь них все равно предательски проглядывает розоватое темя. Старуха передвигается по квартире необычайно тихо. И только свистящий шепот за Валиной спиной выдает ее присутствие.

– Проститутка, – шипит старуха, невзлюбившая Валу с первого дня ее вселения в коммуналку, – шею на шпильках себе не сверни.

– Бабушка, зачем вы так? – удивляется поначалу Валя. – Давайте лучше познакомимся.

– Я с тобой на гульки бегать не буду, – шипит старуха.

– Да какие гульки, бабушка? – возмущается Валя, изо всех сил стараясь сохранить доброжелательность в голосе. – Я на стройке работаю, мастером.

– Мастером по мужикам бегать, – резюмирует старуха.

– Да что же вы так? – сдерживая слезы, бормочет Валя. – Как вы можете? По какому праву?

– Я свои права знаю, не сомневайся, – огрызается старуха. – Я еще тебя переживу.

– В этом уж я точно не сомневаюсь, – всхлипывает Валя и, не выдержав пререканий, убегает прочь.

Вскоре ее терпение иссякает, и она начинает по возможности избегать старухи. Сталкиваясь с ней на кухне или в коридоре, Валя съеживается, отводит глаза и непроизвольно напрягается всем телом, словно ожидая удара. И удар не заставляет себя ждать.

– Халат бы запахнула, шалашовка, – шипит старуха, – колени голые торчат.

Теперь, когда Лена в очередной раз интересуется, не нужна ли ей помощь Вадима по хозяйству, Вале хочется ответить:

– Да, нужна! Очень нужна! Пусть возьмет топор и убьет старуху из соседней комнаты!

Впрочем, она прекрасно понимает, что Раскольников из тихого Вадима не получится. Кузнецовы боятся старухи не меньше самой Вали. Она так же донимает их бесконечными оскорблениями и ходит по квартире, как хорек по курятнику, – дерзко и безнаказанно.

Глава 15

Валя давно забыла, как, уезжая в Мурманск, звала с собой своего дружка Пашку. И вот, спустя пять лет Пашка неожиданно приезжает. Впрочем, никакой неожиданностью тут на самом деле и не пахнет. Из писем тети Поли Валя знает, что Пашка ушел с завода, окончил какую-то школу матросов и стал ходить в море. Но и там у него что-то не ладится. Так что при встречах он жалуется тете Поле на жизнь.

– Надо хлопцу сменить обстановку, – предлагает тетя Поля. – Может, Валюша, приедет он к тебе в Мурманск? Пойдет там в плавание. А ты его приютишь на первое время, чтобы не маяться ему по гостиницам. Сама знаешь – хлопотно это. Да и дорого.

Неожиданно для себя самой Валя соглашается.

И Пашка приезжает. На дворе конец августа. Валя отпрашивается с работы пораньше и встречает Пашку на вокзале. Моросит нескончаемый по-осеннему холодный дождик. Пашка выходит из вагона с чемоданом в руке. Он еще больше похудел, загорел до черноты и выглядит каким-то потрепанным. Валя уже не может признать в нем своего прежнего ухажера. Да и то сказать: за прошедшие пять лет столько всего изменилось в ее жизни.

– А ведь и в его жизни наверняка тоже, – внезапно думает она.

Валя стоит и разглядывает Пашку. Выходящие из вагона люди толкают ее. Они что-то радостно сообщают встречающим их родственникам, расспрашивают последние новости из городской жизни. А она все смотрит и смотрит на Пашку, не в силах что-то сказать или сделать. Пашка – словно материализовавшееся воспоминание из ее прежней жизни.

– Да, все такой же дурак! – заявляет Пашка, когда затянувшееся молчание становится просто неприличным. – Прошу любить и жаловать.

– Насчет любить не знаю, – бурчит Валя.

– Согласен на жаловать, – хмыкает Пашка.

– Здравствуй уже, – серьезно говорит Валя, – давно не виделись.

– Пять лет, – фыркает Пашка.

– Угу, – кивает Валя. – Пошли домой.

Они пробираются в быстро редющей толпе через привокзальную площадь.

– А свежо у вас тут для августа, – поежившись в своей летней рубашонке, произносит Пашка.

– Привыкай, – угрюмо парирует Валя, – не в Сочи приехал.

– Да уж понял я, – вздрагивает Пашка. – Может, такси возьмем? Или на автобусе?

– Пешком, – отрезает Валя. – Тут рядом.

– Хорошо, – соглашается Пашка. – Как скажешь, командир.

– Я не командир, я мужик, – хмыкает Валя.

– Что? – удивляется Пашка.

– На стройке так зовут, – поясняет Валя. – Мужиком.

– Молодцы, – хихикает Пашка, – золотые у вас тут люди на Севере. Они на стройке только такие приветливые или везде?

– Не твое дело, – обрывает его Валя.

– Ладно, – опять с готовностью соглашается Пашка.

– Пришли, – сообщает Валя. – Вот мой подъезд.

Они проходят к ней в комнату, и Пашка ставит чемодан в углу. Оба чувствуют неловкость, не зная, как себя вести.

– Пойдем на кухню, – выдавливает Валя. – Я тебя накормлю.

После обеда и ванны Пашку совсем развозит. Валя стелет ему на диване, а для себя разбирает кресло-кровать. Пашка протестует, заявляет, что не может так ее стеснять, клянется,

что его койка на судне была еще уже, чем это кресло-кровать. Но Валя не слушает никаких возражений.

– Спи сегодня на диване, – грозно говорит она. – Ты устал. Дальше видно будет.

– Ты настоящий мужик, – бормочет Пашка.

– И ты туда же, – фыркает Валя. – Заткнись уже.

Пашка пытается еще что-то возразить, но валится на диван и моментально засыпает. А Валя еще долго сидит и глядит на него.

– Я тебя стеснять не стану, – на следующее утро обещает ей Пашка. – Побегая сейчас по флотам, устроюсь матросом и в рейс уйду.

– Побегай, – кивает Валя, устало глядя на гостя из прошлого. – Где же ты пять лет бегал?

– Я не бегал, – огрызается Пашка, – я на месте сидел. Это ты исчезла неизвестно где.

– Известно! – возмущается Валя. – Когда понадобилась, быстро нашел.

Она понимает, что сказала непозволительную грубость. Ведь Пашка нагрязнул не с бухты-барухты. Она сама его пригласила, пусть и с подачи тети Поли. Валя уже открывает рот, чтобы извиниться, но Пашка продолжает:

– Могла бы за пять лет хоть разок приехать домой, тетушку навестить.

Валя с облегчением понимает, что он не уловил неприличный подтекст вырвавшейся у нее сгоряча фразы.

– А вместо этого два письма, – обиженно добавляет Пашка.

– Неправда, – возмущается Валя, – я тете Поле регулярно пишу.

– А мне два письма, – упрямо повторяет Пашка.

Валя должна признать, что он прав. Но сдаваться ей не хочется.

– Так ты мне тоже только два раза ответил, – огрызается она.

– Ответил же, – взвизгивает Пашка. – А от тебя больше ни слова.

– А чего же сам не написал? – злобно интересуется Валя.

– Да не мастер я письма строчить, что уж тут поделаешь, – разводит руками Пашка. –

Могла бы приехать.

Валя замечает, что они пошли по второму кругу, и внезапно теряет запал. Она чувствует, что та, прежняя жизнь уже куда-то ушла. И теперь все будет по-другому. Валя вспоминает о Натане. Потому и не писала она больше Пашке. Быстро все изменилось в ее жизни. Может, и зря, что так быстро. Хорошего все равно из этого ничего не вышло.

Разозлившись на саму себя, Валя рассказывает Пашке о своем романе. С подробностями, не жалея себя, вплоть до злополучного похода в театр.

– В общем, собиралась выйти замуж, да не получилось, – зло итожит она свой рассказ. – Наверное, слишком много хотела.

– Жизнь есть жизнь, – кивает Пашка. – По-разному у всех складывается. Я вот как-то все один просидел.

– А что же у тебя ничего не сложилось? – все с той же злобой интересуется Валя.

Она чувствует, что ее вопрос звучит грубо, но ничего не может с собой поделать. Но Пашка, кажется, снова не обижается.

– Не знаю, – задумчиво произносит он. – Может, тебя ждал. Да и некогда было: дом – работа, дом – работа. У меня, – Пашка хмыкает, – возле мартена девчонки-секретарши не бегали.

– Я душой была, – рявкает Валя.

– Я ведь потому и в море пошел, – словно не услышав ее, продолжает Пашка, который явно не хочет ее обидеть, – чтобы что-то новое было, необычное. Но и тут не повезло. Мечты о дальних странах и длинном рубле, – Пашка хихикает, – не сбылись. Возили мы руду из Бердянска в Жданов. Обрато порожняком. Туда-сюда, туда-сюда. Как заведенные. Что сталевар, что рудовоз – никакой я жених, Валька. Никому не нужный человек. Беспольный, можно ска-

зять. Пашка наверняка ждет утешений, но Валя ничего ему не возражает, признавая тем самым правоту его слов.

Впрочем, как быстро выясняется, какая-то польза от Пашки все-таки есть. Так, уже на второй или третий день своего пребывания в квартире он умирляет сварливую старуху-соседку.

– Опять какого-то урку привела, – бурчит старуха в ответ на бодрое Пашкино «с добрым утром».

Пашка на мгновение теряется. Он уже успел познакомиться с четой Кузнецовых. Но обитательницу третьей комнаты видит впервые.

– А что, многих она водит? – интересуется он, слегка наклонив голову, как прислушивающаяся к дальнему кошачьему мяуканью собака.

– Тебе-то какое дело? – фыркает старуха.

– Вы видели кого-то, извиняюсь? Натыкались? – словно не слыша старухиных слов, с нажимом в голосе уточняет Пашка.

– Штаны бы надел. А то только слез с нее, – старуха брезгливо кивает в сторону застывшей возле своей двери Вали, – и в трусах по коридорам шляться.

– У меня, бабка, кошка была, – с леденящим душу спокойствием произносит Пашка, внезапно перейдя на «ты». – Страшно на тебя была похожа. Тоже любила гадить окружающим.

– Так радуйся, – хмыкает старуха.

Вадим и Лена, заслышав перепалку, робко высовываются из своей комнаты. И старуха, очевидно, решает устроить показательный бой, чтобы раз и навсегда доказать, кто в квартире хозяин.

– Чему радоваться? – оживляется Пашка, словно только и ждал подобного ответа. – Сдохла она, кошка моя. От старости. А может, и от скверного нрава. Кто ее знает.

– Ты его в психбольнице подцепила? – повернувшись к Вале, злобно спрашивает старуха, но в ее взгляде явно читается неуверенность.

– А мы там, в Жданове все такие, – хмыкает Пашка. – Не слышала поговорку: Одесса – мама, Ростов – отец, кто тронет Жданов, тому конец?

– Весь город ваш уркаганский, – шипит старуха. – И что с того?

– А то с того, – придвинувшись ближе, почти ласково шепчет Пашка, – что Валя, между прочим, тоже из Жданова. И ты ее не трогай. Поняла? А то отправишься у меня вслед за кошкой.

– Напугал, – злобно фыркает старуха. – Сейчас милицию вызову.

– Заткнись, лысая! – внезапно рывкает Пашка.

– Чего? – пытается возмутиться старуха.

– Заткнись, говорю, плешь кудрявая. Марш в свою конуру! – напирая на старуху, произносит Пашка. – Непонятно?

И тут происходит чудо. Старуха съеживается и, ничего больше не сказав, шмыгает в свою комнату. Забегая вперед, следует добавить, что эффект от Пашкиной атаки оказался длительным. Можно даже сказать радикальным. Старуха, конечно, вряд ли подобрела, но перестала донимать соседей проклятьями и оскорблениями.

– Вот это мужчина! – столкнувшись с Валей на кухне, шепчет Лена.

С момента поединка в коридоре прошло уже несколько дней, но Валя прекрасно понимает, о ком идет речь. Она тоже все еще находится под впечатлением Пашкиной победы.

– Добро с кулаками, – хихикает Валя, вспомнив хамский Пашкин тон.

– С этой, – осмелевшая Лена машет рукой в сторону старухиной комнаты, – можно. Она с нами тоже слов не выбирала.

– Поделом, – кивком признав правоту соседки, резюмирует Валя.

Глава 16

Быстро уйти в море Пашке не удастся. Мурманским флотам если и требуются моряки, то на рыболовецкие суда. И Пашкин рудовозный опыт здесь бесполезен: рыбу шкерить он не умеет. Пашка все еще хорохорится, но это дается ему с большим трудом. Он давно перебрался спать в кресло-кровать, освободив Вале диван. Их отношения остаются на стадии дружбы. Валя чувствует себя виноватой из-за Натана. Пашку, вероятно, тяготит его неопределенное положение в жизни. Поначалу он пытается форсить: покупает в магазине деликатесы, даже ведет Валу в ресторан. Но после каждого отказа в очередном отделе кадров он возвращается домой все более мрачным. А еще через некоторое время у него заканчиваются деньги.

– Слушай, Валь, мне с тобой поговорить надо, – обращается к ней Пашка однажды вечером.

– Говори, – кивает Валя.

– Я, Валь, как бы тебе сказать, – мнется Пашка, – в общем, я уже потратил те деньги, что отложил на обратную дорогу. Я их сразу отложил. Изначально. Чтобы быть уверенным. А теперь получается, что точка невозврата пройдена.

– Я... – начинает Валя, но Пашка перебивает ее.

– Дай мне сказать, – говорит он. – Выходов из сложившейся ситуации только два. Первый: ты пристраиваешь меня на свою стройку разнорабочим, и я зарабатываю деньги на обратную дорогу. Второй: ты мне эти деньги сейчас одалживаешь, а я возвращаюсь домой, снова иду на завод и их тебе высылаю. И то и другое, конечно, для меня стыдно, но ничего не поделаешь.

Пашка замолкает, съездившись в углу дивана. И Валя понимает, что должна что-то предпринять. Больше просто некому. Никого больше у Пашки нет. По крайней мере, в Мурманске.

– Подожди, – говорит она уверенным тоном, – есть третий вариант. Я отправлю тебя в море. Ты не зря приехал.

– Да ладно, – недоверчиво произносит Пашка.

– Да точно, – фыркает Валя, стараясь попасть ему в тон.

Если честно, у нее нет никакого конкретного плана, как пристроить Пашку на рейс. Но что-то сделать нужно. Проворочавшись всю ночь на диване и как следует поразмыслив, Валя решается на крайние меры. Она идет к Натану.

К счастью, тот оказывается на месте. Но ей приходится практически прорываться к нему.

– Вы по какому вопросу к Натану Ефимовичу, Валентина Николаевна? – преграждает ей дорогу его новая секретарша, та самая бывшая кассирша Люба.

– По личному! – отрезает Валя. – Он один у себя?

– Я вам не могу этого сказать, – осаживает ее Люба. – Можете записаться на прием.

По личным вопросам Натан Ефимович принимает по вторым пятницам каждого месяца.

– Хватит тарыхтеть, – отмахивается Валя, распахивая дверь кабинета.

Она входит к Натану. Следом за ней, как вражеский истребитель, в кабинет влетает Люба.

– Натан Ефимович, – тараторит секретарша, – я пыталась ее остановить, но она просто не понимает.

– Мы сами разберемся, – мрачно глядя на Любу, произносит Валя. – Это ты ничего не понимаешь.

Люба замолкает на полуслове.

– Выйди отсюда и дай нам поговорить, – добивает секретаршу Валя.

Люба выкатывает на Натана глаза, в которых блестят слезы. Натан растерянно смотрит на женщин, вынашивая план действий. Потом он собирается с мыслями и произносит:

– Люба, оставь нас. И никого не впускай. Скажи, что я занят.

Люба, поджав губы, молча кивает и выходит из кабинета, с грохотом закрыв за собой дверь.

– Что-то случилось? Или просто зашла повидаться? – хмыкает Натан.

– Помощь нужна, – бросает Валя. – Знакомого моего можешь в море устроить?

– Что за знакомый? – интересуется Натан.

– Пашка, – выдавливает Валя, – приятель мой бывший из Жданова. Я как-то рассказывала тебе о нем.

– К тебе приехал? – ехидно любопытствует Натан.

– Это уж не твое дело, – бурчит Валя. – В море он хочет уйти.

– И кем же? – интересуется Натан.

– Матросом, – бурчит Валя.

– Опыт есть? – спрашивает Натан.

– Он ходил в Жданове на рудовозе, – поясняет Валя, – год или два, я не знаю точно.

– На рудовозе? – морщится Натан. – Так у нас здесь нужна палубная команда рыбу шкелить. Тут рудовозный опыт не поможет. Да и вообще у них от матросов отбоя нет. Был бы он штурманом...

– Если бы он был штурманом, я бы за него уже замуж вышла, – огрызается Валя.

– Да ну? – нарочито удивляется Натан. – А сейчас какие у вас отношения?

– А это уж не твое дело, – говорит Валя, чувствуя, как внутри нее закипает гнев.

– Вот как, – фыркает Натан. – А я вот слышал, что первая любовь не забывается. И сколько бы времени ни прошло, а при каждой встрече костер чувств разгорается вновь. Врут?

– Что ты ведешь себя, как баба, Натан? – отрезает Валя. – Я тебя спрашиваю: поможешь или нет?

– А я тебе отвечаю: матросов хватает, – капризничает Натан.

– Не будь сволочью, – ледяным голосом произносит Валя. – Пашка третий месяц по рыбным конторам бегает. А мне, кроме тебя, не к кому обратиться.

Натан устало вздыхает и, ничего больше не сказав Вале, звонит своему приятелю в «Мурмансельдь». Уже через две недели Пашка уходит в море.

Глава 17

Он возвращается из рейса через четыре месяца – радостный и с деньгами. Поселившись в ДМО, Пашка на второй день после прихода ведет Валю в «Альбатрос», где покупает ей модные сапоги-чулки и мохер на кофту. Валя поначалу хочет отказаться от покупок. Или, по крайней мере, возместить Пашке расходы. Но потом вспоминает, как она устроила скандал, когда Натан покупал ей туфли. Все у них тогда изначально не заладилось. Все отношения пошли наперекосяк, как теперь ей представляется, именно с того самого момента. Может быть, прими она тогда с благодарностью этот подарок, жили бы они до сих пор счастливо.

– Не гневи судьбу, – строго говорит сама себе Валя. – И не будь такой принципиальной.

– Это подарки, – говорит ей судьба в лице Пашки. – Валюха, ты столько для меня сделала! Ты даже сама не представляешь.

– Очень даже представляю, – думает Валя, – закатали скандал в кабинете у бывшего любовника.

Мохером и сапогами дело не заканчивается. Пашку, который никогда в жизни не видел таких денег, какие заработал за четыре месяца болтанки в море, что называется, несет. Он покупает себе серый в полосочку костюм с брюками дудочкой и пиджаком с подбитыми ватой плечами. За костюмом следуют жуткие лакированные туфли и уже абсолютно ни к чему не вяжущиеся карманные часы на серебряной цепочке.

Во всей своей красе Пашка заявляется к Вале.

– Форсишь? – осторожно предполагает та, понимая, что это вопрос чисто риторический.

– Ага, – кивает Пашка, – собирайся.

Он ведет ее в ресторан. Мест нет. Но Пашка шушукается с администратором, сует ему несколько купюр, после чего столик тут же находится.

– Закажем водочки? – предлагает он Вале.

– Может, вина? – Валя не особенно жалуется крепкие напитки.

– Не, давай водочки, Валюша? Ладно? – ноет Пашка. – Ты – чуть-чуть. А мне веселее будет, чем с вином.

Валя кивает. Ей не хочется спорить с Пашкой. Она вспоминает его униженное выражение лица, когда совсем недавно он просил ее устроить его на стройку или занять денег на обратную дорогу. Пусть расслабится, почувствует уверенность в себе.

За первой бутылкой, из которой Валя с трудом вдавливая в себя рюмку с небольшим доливом – для «освежения», как говорит Пашка, следует вторая. И Пашка как-то сразу напиивается до чертиков.

– Раньше за ним такого не наблюдалось, – отмечает про себя Валя, но ничего не говорит вслух.

На свежем воздухе, пока Пашка провожает ее домой, хмель из него немного выветривается. Но он по-прежнему не очень твердо стоит на ногах. И Валя думает, что не следует отправлять Пашку в ДМО в таком виде. Там дежурная, как в общежитии. Да и двери уже наверняка закрыты. Придется стучать. Вдруг поскандалит? С него станется. В лакированных-то туфлях ему море по колено. Еще чего гляди спишут с судна за такое поведение. Для того ли она унижалась перед Натаном?

– У меня переночуешь, – обдумав все это, произносит Валя.

– Ты что? Нет, зачем? – пытается протестовать Пашка. – ДМО в двух кварталах.

– На всякий случай, – многозначительно говорит Валя.

Пашка смотрит на нее и все понимает.

– Нажрался в хлам, да? – бормочет он. – Ты извини меня, Валюша.

– Пошли уже, – хмыкает Валя.

Они поднимаются на этаж. Причем Пашка несколько раз спотыкается, чертыхаясь и браня крутые ступеньки и свою неуклюжесть.

– Тихо! – говорит ему Валя, опирая дверь в квартиру. – Не разбуди соседей. У Кузнецовых девчонка маленькая, не забыл?

Пашка согласно кивает, проявляя ту нарочитую готовность выполнять приказы, которая свойственна пьяным людям, старающимся угодить своим приятелям. И они действительно прокрадываются по коридору тихо, как мыши. По крайней мере, так кажется Вале. Внезапно они видят старуху-соседку. Что она делает в такой час в коридоре, трудно сказать.

– Неужели разбудили? – думает Валя, чувствуя неловкость, и добавляет уже вслух извиняющимся шепотом: – Простите, мы...

– Брысь! – перебивает ее Пашка, замахиваясь на старуху.

– Ишь ты, – шипит та, поспешно ретируясь в свою комнату.

– Дрессировку надо закреплять время от времени, – бормочет Пашка, кивнув в сторону закрывшейся за старухой двери. – Иначе, – он неопределенно машет в воздухе руками, – выветрится!

Вале Пашкино поведение не нравится. Как бы ни была злобна старуха, подобное хамство в ответ не может быть оправдано. Но Пашка пьян, и Валя решает воздержаться от нравоучительной беседы. Она потом ему все объяснит. Когда представится удобный случай.

Валя с трудом снимает с Пашки пиджак с ватными плечами и укладывает незадачливого кавалера на диван. Вздохнув, она стягивает с него лакированные туфли и подкладывает ему под голову подушку. Пробормотав что-то маловразумительное, Пашка тут же засыпает.

Сама Валя еще долго сидит в кресле и смотрит на него. Спать ей совсем не хочется. Она вспоминает слова Натана о первой любви. Наверное, он по злобе их сказал. Чтобы ранить ее. А вдруг он прав? Не забывается она?

Наутро Пашка выглядит, как новенький. Он извиняется перед Валею, говорит, что вел себя просто неприлично и что их поход в ресторан никак не должен был закончиться подобным образом.

– Я искуплю. Вот увидишь, я искуплю, – кается он, как генерал, сдавший по халатности врагам тщательно обороняемую крепость.

Валя с улыбкой кивает, говорит, что ничего не произошло.

– Ты из-за меня снова спала в кресле, – казнит себя Пашка.

– Да я почти и не спала, – фыркает Валя, вызвав новую бурю Пашкиных терзаний.

– Мне пора на вахту, – говорит Пашка, доев приготовленный Валею завтрак, и уходит, все еще виновато качая головой.

Он возвращается через пару дней с цветами и конфетами. И они снова идут в ресторан. На этот раз Пашка заказывает вина, как хотела в предыдущий раз Валя. Он много говорит, рассказывает о море и едва притрагивается к спиртному.

– А ведь у нас с ним был роман, – думает Валя, почти не слушая Пашкины истории и лишь изредка с улыбкой кивая ему для приличия. – Как давно это было. Словно в другой жизни.

Он провожает ее до дома. А она снова предлагает ему подняться, хотя на этот раз в этом нет решительно никакой объективной необходимости. И Пашка на этот раз даже не пытается отказываться и протестовать. Так их прежний, из другой жизни роман завязывается вновь. Скоро Пашка перебирается из ДМО к Вале в комнату.

– Совсем, как когда-то я к Натану, – думает Валя.

Но это сравнение почему-то несколько ее не расстраивает, а кажется приятным и каким-то успокаивающим. Через месяц Пашка уходит в очередной рейс.

Глава 18

– Грешно так говорить, но у меня приятное известие, – однажды вечером заговорщически сообщает Вале соседка Лена. – Старуха наша умерла сегодня.

– Правда, грешно, – вздрагивает Валя.

Она только что пришла с работы и столкнулась с Леной на кухне. Валя знала, что старуха в последнее время болела. Неделю назад скорая забрала ее в больницу.

– Отмучилась, – бормочет Валя.

– Скорее, мы отмучились, – поправляет ее сияющая Лена.

Она глядит на Валу, а потом, сплюнув через плечо, шепчет:

– Да, нехорошо так говорить, нехорошо.

– А тебе кто сказал о ее смерти? – интересуется Валя.

– Старухина родственница, – охотно сообщает Лена. – Приходила сегодня. С ключами от комнаты. Сказала, что вещи кое-какие надо забрать.

– Одежду, может, для похорон, – предполагает Валя.

– Наверное, я не знаю, – тараторит Лена. – Вот она мне и сообщила, что старуха-то скончалась в больнице. А она сама – ее племянница.

– Что ж она раньше-то никогда к покойной не заходила? – скорее просто размышляя вслух, спрашивает Валя.

– А ты бы к такой тетке часто заходила? – приняв вопрос на свой счет, усмехается Лена.

– Да я и у своей милой тети Поли уже пять лет не была. Как уехала в Мурманск, так ни разу и не повидалась, – думает Валя, и ей сразу становится грустно.

– Не унывай, Валуха, – подбадривает ее Лена. – Доброе ты сердце!

– Да я не из-за старухи, – хмыкает Валя. – Так, вспомнилось кое-что свое.

– Понятно, – кивает Лена.

Валя разогревает на плите жареную рыбу и начинает ужинать. Лена присаживается на табуретку у краешка стола. Подобная навязчивость ей не свойственна. И Валя понимает, что соседка хочет поделиться с ней чем-то еще.

– Ну, рассказывай, – предлагает она.

– Вадик завтра в трест пойдет, в профком, – бормочет Лена извиняющимся голосом. – О комнате поговорит. Старухиной. Чтобы, значит, нам ее отдали. Нас ведь трое. А комнатенка у нас самая маленькая. Дали бы вторую – нам бы свободнее стало. Ты не будешь возражать?

– Что? – не понимает Валя, давась от неожиданности рыбой. – С чего мне возражать?

– Ты же техник, – бормочет Лена. – А мы кто? Работяги. Тебе бы эту комнату, конечно, логичнее отдать. Если ты будешь против, мы уступим, ты не думай, по-соседски. Главное, чтобы все было по-доброму.

– Да ты что, Лена, брось! Не претендую я на эту комнату. С чего ты так могла подумать? – машет руками Валя. – Конечно, вас трое, вам надо расширяться.

– Ага, – охотно кивает Лена. – Вадик сходит завтра в трест.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.